

ДЖИНА ШЭЙ

18+

ЧАСТИЧКА
ТЕБЯ

Мое счастье

Частичка тебя

Джина Шэй

Частичка тебя. Мое счастье

«Автор»

2022

Шэй Д.

Частичка тебя. Мое счастье / Д. Шэй — «Автор»,
2022 — (Частичка тебя)

Я чертовски устала от разочарований. От мужчин, которые говорят одно, а делают другое. От водоворота странных случайностей, в центре которых, против воли, оказываюсь раз за разом. В конце концов, ведь необязательно выходить замуж! Я могу родить ребенка для себя, исполнить давнюю мечту - стать матерью. И я могу не делиться своим чудом с тем, кто называл случившееся между нами ошибкой. План был прекрасен! Только мнение неумного бывшего друга я не взяла в расчет. Он узнал о своем отцовстве! Он требует признания его родительских прав. Что думает об этом его невеста? Интересный вопрос! Потому что она не так мила и безобидна, как кажется!

© Шэй Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

1. Ник	5
2. Энджи	9
3. Энджи	14
4. Ник	22
5. Энджи	28
6. Ник	34
7. Ник	40
8. Энджи	47
9. Ник	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Джина Шэй

Частичка тебя. Мое счастье

1. Ник

Из медпункта Юля выходит вовремя. Не торопясь запирает за собой дверь, легко сбегает по ступенькам медпункта, ныряет в машину.

– Приве-е-ет, – она тянет с теплом, и лезет обниматься. Отстраняется от меня с удивленным видом.

– Все в порядке? Ты какой-то...

– Какой?

– Усталый, – наконец ставит диагноз Юла, – и загруженный. Много работы сегодня было?

– Много, – соглашаюсь, отчасти потому что так оно и есть, ну и на самом деле – так проще.

Проще не пояснять, почему я ощущаю себя пропущенным через мясорубку. – Ты хорошо себя чувствуешь?

Она чуть замирает, будто не понимая о чем я говорю.

– Два часа назад тебе стало плохо. Ты даже не смогла прийти оказать помощь Анжеле.

– А, да, прости, – Юла морщится досадливо, хлопая себя по лбу, – совсем у меня мысли расплываются со всеми этими гормонами. Да, мне лучше. Правда я почти час не отходила от белого друга. Нужно сменить витамины.

– Сменим, – киваю на автомате и завожу мотор. Внутри будто стадно отвела душу стая котов. Изодрали душу в лохмотья, пометили все что только можно. И настроение – подозревать всех и вся. Слышать странные нотки фальши даже там, где их нет.

Нет.

День был сложный.

Не удивительно, что мне даже в голосе невесты слышится что-то не то.

– Боже мой, – Юла подскакивает, когда на проходной я приостанавливаюсь, чтобы пропустить машину полиции, – откуда у нас здесь?..

– Я вызвал, – пожимаю плечами, – сегодня кто-то запер Анжелу в одном стойле с больной, взвинченной лошадей. Это тянет или на хулиганство, или на кое-что похуже. К тебе не заходили?

Юла качает головой, закусив губу и отчаянно цепляясь в свои колени.

– Значит, завтра зайдут, они обещали провести детальное расследование. Эндж правда нельзя сейчас беспокоить, а без её показаний будет сложнее, но записи с камер у конюшни уже сняли.

– Она там пострадала? – Юла звучит потрясенно. – Сильно?

– Нет, она просто перенервничала, – я решаю никак не комментировать события после конюшни, – сильно перенервничала. В её положении и это может быть фатальным.

– Да...

Юля замолкает, переваривая, да и мне говорить не особенно хочется. Наговорился сегодня вдосталь, разясняя приехавшему следователю, зачем я их вызвал.

– Жалко её, – неожиданно произносит Юла, – она одна, совсем одна, беременная... Теперь еще и в больнице. Ты говорил, что родных у неё нет.

– Не помню, чтобы я это говорил, – лишь озвучив, понимаю, что опять докапываюсь до несущественного, – мало. Отец и мать погибли, из более-менее близких – только тетя.

– Грустно, – Юля задумчиво перебирает пальцами по животу, – одна, в больнице и навещать-то почти некому. Ей, наверное, очень тоскливо там. Может, стоит её проведать?

– Плохая идея.

Я помню, насколько убийственные глаза были у Эндж, когда я вынудил её ехать с нами в одной машине. Её идея добираться общественным транспортом была паршивой, но моя тоже не отличалась особой гениальностью.

– Почему? – Юля удивленно разворачивается ко мне. – Мы коллеги, я ей сочувствую, почему мне нельзя навестить её?

Потому что...

Объяснить это сложно даже для самого себя.

Она двигается дальше – это я уже понял. Она игнорирует то, что между нами было, так же старательно, как и я.

Но я сомневаюсь, что хоть когда-нибудь она будет находить встречу с моей невестой ободряющей.

Вот только объяснить последней причины этого... Оказывается куда сложнее, чем я ожидал.

– Анжела очень закрытый человек, – надеюсь, что формулировал ответ не слишком долго для подозрений, – и со всеми своими коллегами она предпочитает держать дистанцию. Это помогает в её руководящей деятельности. А ты, как ни крути, её подчиненная.

Юля принимает мой ответ, недовольно поджимая губы. И молчит довольно долго, явно обижаясь на меня за мой отказ. Я несколько раз пытаюсь её разговорить, потом – решаю не дергать. И самому есть что обдумать.

– А тебя я навещала, – бурчит Юля уже на подъезде к моему дому, – и пироги носила. Помнишь?

– Помню, – я болезненно морщусь, припоминая то феерическое приключение, – но мы не были коллегами тогда. А вы с Энджи – коллеги. Не мешай рабочее и личное.

– Ладно, – Юла соглашается демонстративно неохотно и даже смотрит на меня исподлобья, – я не буду беспокоить нашу драгоценную Анжелу Леонидовну. Ты счастлив?

– Я заеду в магазин, что-то нужно купить?

– погоди, – Юля отстегивается и разворачивается ко мне, – в смысле купить? Ты один поедешь?

– У меня есть еще дела, – я чуть покачиваю головой, – путь неблизкий, тебе со мной мотаться необязательно. Отдыхай.

– Что за дела? – Юла подозрительно шурится.

Ох, черт. Это уже начинает слегка раздражать. Или это нетерпение?

– Мой друг недавно вернулся из Лондона, – говорю как можно беззаботней, – хочу его навестить и передать приглашение на свадьбу.

Не люблю врать, но искренний ответ прозвучит как-то...

Прости, дорогая, хочу узнать, не могу ли я быть отцом ребенка женщины, с которой я тебе изменил. Пожелай мне удачи, пожалуйста.

Провожая взглядом идущую к дверям подъезда Юлу, которая кутается в широкий плащ, скрадывающий фигуру. Мою невесту, которая вынашивает моего ребенка. Девушку, которая за день десять раз может признаться мне в любви.

Которой я изменил, которую я обманываю, на которой я не могу сосредоточить свое внимание.

Я буду гореть в аду. Чертову вечность.

Что ж, это неизбежно.

Но сейчас у меня есть время заехать к Лексу насчет экспертизы. Выбросить эту затею из головы я не смог. Ровно как и платки, пропитанные кровью Энджи.

Алекс не удивляется моему приезду. Его вообще сложно удивить, даже самым идиотским поведением. Правда везу я ему совсем не приглашение на свадьбу. А зиплок-пакет, в который очень аккуратно упаковал свою “добычу”.

– Ты говорил, что можно сделать генетическую экспертизу по крови матери?

– Можно, – Лекс кивает и задумчиво смотрит на выложенный перед ним пакет, – вот только скажи мне, что тут за кровь? Девчонка что-то сломала и ты зажимал?

Я объясняю, откуда дровишки. Рассказываю про Эндж, про причины, по которым она легла в больницу, как мне досталось это “кровавое наследство”. Лекс пару минут смотрит на меня в упор, а потом начинает ржать. Настолько откровенно, что я сентиментально припоминаю, как один раз все-таки дал этому поганцу в нос. Хороший был день, приятный. Солнечный!

– У меня нет других вариантов, Лекс, – усталость моя кажется уже бесконечной, – она не согласится сделать эту экспертизу по моей просьбе. Поэтому просто скажи, с этим материалом работать можно?

Он ржет еще сильнее, заметив выражение моего лица – с хохотом сползает под стол, от греха подальше.

– Ну что ж, нельзя так нельзя, – разочарование от откровения оказывается неожиданно сильным, я поднимаюсь на ноги и направляюсь на выход.

Да, я выставил себя идиотом, но... Плевать. Когда цепляешься за соломинку, по умолчанию выставляешь себя идиотом. Я отношусь к этому спокойно. Но теперь нужно найти другой способ добыть материал для экспертизы.

– Да сядь ты, – останавливает меня Лекс, – и уймись. Мне что, поржать по-твоему, нельзя?

– Обязательно ржать надо мной в моем присутствии? – отвечаю я едко, но тем не менее – останавливаюсь и возвращаюсь в то кресло, в котором сидел.

– В этом самый смак, – Лекс фыркает и шумно выдыхает, успокаиваясь. Снова смотрит на меня изучающе.

– Можно один вопрос? На хрена оно тебе нужно? Чего ты бегаешь вокруг этой девчонки? Чего тебе нейметя? Ведь речь не о твоей невесте, так?

Ответ на этот вопрос дается мне нелегко. В конце концов, это лишнее доказательство того, что ни черта-то я не положительный герой. Положительные героини не напиваются в лоскуты и не тащат в постель женщину, которой и без того уже испортили жизнь. И утром после ночи они её тоже не посылают.

И знать о себе такие вещи мне неприятно, это сверлит меня ежедневно. А тут еще и признавать вслух.

– Да, речь не о моей невесте, – я произношу это на одном дыхании, – и если эта информация хоть как-то просочится за эти стены, Лекс...

– Я – могила, ты же знаешь, – мой приятель категорично встряхивает головой, – да и нет у меня повода наушничать твоей невесте.

– Ну посмотрим, – бросаю на приятеля оценивающий взгляд. В принципе, у него хорошая репутация. Если бы не она – я бы не пришел к нему и в первый раз.

– Так зачем тебе все это, Ник? – настырно наседает Лекс. – Если это не твоя невеста, девчонка, с которой ты переспал, которая утверждает, что беременна она не от тебя. Зачем ты в этом сомневаешься? На кой тебе сдалась эта экспертиза?

– Хочу знать правду.

– Зачем?

– Хочу! – я хлопаю ладонью по подлокотнику, выражая все свое отношение к этому допросу. – Хочу и все, Лекс. Это вполне нормально.

– Возможно, – мой приятель смотрит на меня чуть насмешливо, – вот только спонтанность – это не то, что нормально для тебя. Ты – мистер Четкость и Спланированность, Ольшанский. Так всегда было. Мне интересно, что поменялось сейчас.

– Я предполагал, что ты можешь мне помочь, – я снова поднимаюсь на ноги, – но если все что ты хочешь – это задавать бессмысленные вопросы, прости, Лекс, но я не хочу в этом участвовать. Развлекись с кем-то еще.

– Тебе нужна венозная кровь, – Лекс произносит это, когда я берусь за ручку двери, – и чистая, в нормальном количестве. Ясно?

– Где бы её еще взять без ведома Энджи, – сквозь зубы выдыхаю я. Потому что вопрос “предложить ей сделать тест на отцовство” по-прежнему поднимать не стоит.

– А в какой больнице она лежит? – неожиданно деловито спрашивает Лекс.

2. Энджи

Что делают правильные “рабочие лошадки”, когда в их жизни случается трэш? Когда парень, которым ты уже весьма неслабо увлеклась, оказывается тем еще козлом, будто тебе предыдущего разочарования мало было?

Правильно. Правильные “рабочие лошадки” берутся за работу “с новой силой”, хотя на самом деле – это не сила. Это боль, обращенная в энергию. Потому что никакого другого верного способа пережить эту боль нет. Ну, если говорить о социально-одобряемых методах.

Можно, конечно, взять кирпич и разбить фару на его гелендвагене, или нацарапать ему гвоздем какой он козел, но...

Зачем?

У него для этого есть два десятка уже разочарованных и все еще ожидающих его повторного внимания дур. Не хочу быть двадцать первой. Хотя определенно мысль разбить что-нибудь, расхреначить вдребезги, в мельчайшие осколки – мне кажется заманчивой. Даже очень.

Я лежу на кровати и под завывания пустоты внутри пересчитываю трещины на больничном потолке. Делаю это третий раз, потому что первые два у меня не сошлись.

Времени шесть тридцать – Анжела проснулась от богатырского храпа соседки по палате. Третья девочка была, видимо, уже привычная, лежала не первый день, поэтому она просто сопела, отвернувшись к стенке. А вот я заснуть уже не смогла.

Так и лежу. Перевариваю вчерашний день. Жду просветления.

Просветление не наступает – оно, видимо, не очень хорошо относится в звяканью металлических кастрюль в коридоре.

Господи, как давно я не лежала в государственной больнице. Наверное, лет в двенадцать в последний раз. Когда умудрилась обзавестись двухсторонней пневмонией.

Такое ощущение, что за пятнадцать лет ничего не изменилось.

– Просыпаемся, мамочки, меряем температуру, – медсестра с безразличным лицом входит в палату и оставляет у каждой на тумбочке ртутный градусник. Ртутный! А чего не просто в лобик поцеловать, или как там в доисторические времена температуру меряли?

Потрясающе. Надеюсь, среди моих соседок нет криворуких? А то не хотелось бы травануться с малышом за компанию.

Соседки по палате оказываются разными.

Пухленькая возрастная Ирина на шестом месяце – у неё это уже третья беременность. И пока я просто чищу зубы – она успевает рассказать свою краткую биографию, про трех мужей, и вдобавок кучу баек о том, как у неё все было с первым сыном, с дочкой, и чем успела ознаменоваться эта беременность.

– Врачи пугают, что у старородящих больше шансов на генетические аномалии у ребенка, – бодро хрупая яблоком, рассказывает она, – буквально на каждом приеме. Муж уже предлагает со мной ходить, чтоб им всем не давать трепать мне нервы.

– Заботливый он у вас, – меланхолично замечаю я, сплевывая пасту.

Ангелина вчера не смогла доехать до больницы и завезти мне вещи, поэтому футболку для сна, зубную щетку и чашку пришлось докупать в местном магазинчике. Когда уже стало ясно, что от больницы мне не отбиться.

– Это у него первый ребенок, потому и заботливый, – фыркает Ирина и занимает мое место.

На третьей кровати все так же спиной к нам, носом к стене лежит третья девочка. Худенькая, молчаливая – мне виден только её затылок, коротко-стриженный, взлохмаченный.

– У тебя все в порядке? – честно говоря, я вижу, что она не спит, и её неподвижность меня напрягает. – Врача не надо позвать?

– Не надо ей никого звать, – подает голос Ирина, – у неё замершая. Она чистку ждет.

Ох, черт.

Ну, как можно быть такой нетактичной?

Наверное, можно, если ни разу в жизни не узнавал о себе такого. Что внутри тебя умер человек. Встречу с которым ты предвкушала, боялась, но предвкушала, четко зная, что после неё твоя жизнь навсегда изменится.

И нет, на таких бестактных людей не злятся. Просто желают удачи. Чтобы это знание так и осталось для них обычным фактом "так бывает". Потому что когда это случается с тобой...

У меня опускаются руки. Глядеть в спину этой молчащей девочки, внутри которой вдруг перестало биться маленькое сердце становится еще тяжелее.

И все-таки я шагаю ко второй своей соседке поближе, касаюсь чуть дрогнувшего плеча.

– Соболезную, – тихонько шепчу, и замечаю как вздрагивают темные ресницы безмолвной девушки. Да, соболезнованиями ничего не поправишь. Но когда я выходила из больницы с похожей пустотой внутри – мне было дико больно, что скорблю одна только я. Весь мир должен был плакать.

Вот так вот и понимаешь, что у тебя даже не горяшко. Так. Фигня на ровном месте.

Так или иначе, мои глаза постоянно возвращаются к ней – к девушке, лежащей в углу палаты.

Раз за разом я видела в ней себя.

Двенадцать попыток ЭКО за три года. На меня врачи смотрели как на безнадежную.

Не все попытки были отрицательными по результатам проведения процедуры.

Два раза эмбрион приживался, но не выдерживал в моем организме больше трех месяцев.

И я была такой.

Лежащей в углу, пусть в одиночной палате частной высокочеловеческой клиники, но примерно такой же, раздавленной, потерянной, уничтоженной. Когда ничего не остается, только свернуться клубочком и беззвучно слглатывать слезы. Беззвучно, потому что выть во всю мощь легких уже сил не осталось. А потом – встать, собрать себя воедино из тысячи осколков – опять – и заставить себя верить. В чудо. Вопреки всем поражениям, что снова и снова отшвырнут тебя в угол.

И хочется подойти, обнять её крепко-крепко, хотя бы потому, что я помню – как холодно бывает после такого удара.

Но я так не умею. И это кажется таким вопиющим нарушением чужого личного пространства...

М-да, стоит ли удивляться, что в моей жизни из друзей была только Крис, которая на мне ездила, и Ник, под начальством которого я впахивала. Оба они сами все за меня решили. Крис – плюхнулась за мою парту классе этак в десятом. Ник... Забавно с ним было. Я даже сама не поняла, как так вышло, что от вежливых отказов поужинать где-нибудь после работы мы докатились до совместного обсуждения Фрая за обедом. Я вроде как была тверда и непоколебима, а он... Тоже. Тверд и непоколебим. Это я потом поняла, что отбиться от Ольшанского в принципе сложно. Если ему что-то взбредет в голову – он это сделает. Это было неожиданное открытие, потому что внешне он кажется таким интеллигентным, дипломатичным. И никак не догадаешься, что твердолобость у него – воистину ослиная.

Вишвйй, чуть что, будет говорить про баню, а Анжелочка из раза в раз скатывается мыслями к Ольшанскому. И зачем, спрашивается? Все это в прошлом, никому не нужном, отправленном на свалку.

Вот только думать больше ни о чем не хочется. Не о Тимирязеве же, да?

В груди снова начинает болезненно ныть при одной только мысли.

Все-таки он туда пролез.

Вот надо было все пресекать на корню, посылать его к черту с самого начала, не позволять себе видеть в нем никого, кроме босса.

Нет ведь, Анж захотелось себя пожалеть, почувствовать себя главным призом для интересного мужчины. Кто ж теперь виноват, что мне прилетело ответочкой?

Не знаю, как у кого, но лично для меня время, проведенное в больнице, имеет такой же вязкий, невыразительный вкус, как и местная еда, которую даже не пытаются сделать съедобной.

Из всех развлечений – только медицинские процедуры и вот эта вот удивительная викторина. Из чего и каким образом сделана та полезная гадость, которую мне принесли на завтрак.

Овсяная каша с запахом подгорелой капусты. Нет, ну правда, на каком этапе подготовки эти две субстанции умудрились так крепко вьестись друг в друга?

Мне выдают таблеточки – две покатые и белые. Я с подозрением кошусь на них, и интересуюсь, какая из них откроет мне путь в Матрицу. Дежурная медсестра на меня смотрит как на невыносимо умничающего человека и сообщает, что это просто магний, витаминчик для всяких психованных. Безвредный и неопасный. И в матрицу мне нужно выдвигаться как-то своим ходом.

Приходит врач – пожилая женщина с усталыми, но все-таки добрыми глазами. Мне она делает мягкий выговор, замечая, что нервы в моем положении – штука очень опасная. Выписывает мне посещение психолога и кучу анализов до кучи.

Блин, и почему у меня нет внутри этого волшебного рубильника, чтоб отключить к чертовой матери все эмоции?

Врач отходит в дальний угол, и я сама ощущаю, как напрягаются мои уши.

– Ну как ты, Катерина, готова? – ласково и сочувственно врачница касается плеча лежащей. Та ничего не отвечает, кажется – качает головой из стороны в сторону.

– Ну ничего, ничего, у тебя все еще будет, девочка... – врач делает то, что так отчаянно хотелось сделать мне – треплет девушку по плечу, – ты здоровая, молодая, все у тебя будет.

Если бы вселенная собирала петиции за счастье для этой незнакомой мне Кати – я бы прямо сейчас поставила подпись.

В какой-то момент я понимаю, что беспокойно тереблю телефон.

Пустота внутри прорывается наружу, и раз за разом тянет ручки к телефону, разблокировывает его, открывает мессенджеры, проверяет социальные сети, журнал вызовов.

Он...

Он вообще не собирается мне звонить?

И писать тоже?

Вообще ничего? Даже чего-то вроде “возвращайся скорее, мы без твоего главнокомандования загнемся”?

Нет.

Я ужасно злюсь на саму себя, но четыре раза подряд я ловлю себя буквально с поличным. Уже открывшей мессенджер и набравшей Артему заготовку сообщения.

И лишь с третьего раза, разозлившись и выйдя в меню, чтобы к черту вычистить весь диалог с ним, я понимаю, что у меня вообще-то висит несколько не отвеченных.

Алена: *“Там с тобой все в порядке? Мои официанты делают ставки, насколько ты загремела в больницу. Я поставила три сотни на то, что ты сбежишь через неделю”.*

Нет, определенно эта рыжая ехидная мне по-прежнему нравится.

Улыбаюсь как-то сама по себе и набираю ответ.

“Боюсь стать причиной твоего разорения, но я останусь в больнице до тех самых пор, пока меня врач отсюда не выпишет. Сама не побегу. Слишком боюсь за своего пузожителя.”

Почти мгновенно мне капает сообщение: *“Ну, что ж, хорошо хоть не всю премию поставила. А ведь казалось, что это будут легкие деньги”*.

“Передай всем своим, кто будет по мне плохо скучать – всех депремирую”, – шлю в ответ и немножко с грустью улыбаюсь. Вряд ли будут скучать. Впрочем – это и не важно. Лишь бы не разболтались. Конечно, я прорабатываю вопрос дисциплины так, чтобы с моим уходом система продолжала функционировать – в этом и весь смысл. Но с учетом того, что работаю я в Артемисе недолго – не так долго они без меня и продержатся.

“Я забегу к тебе в выходные”, – неожиданно обещает Алена и тут же добавляет: “Если ты не против, конечно”.

Я не против.

В обычной жизни я не особо рада вести все эти “неуставные отношения”, мне постоянно кажется, что они скажутся на работе, но...

Мне не нравится, куда ведет меня эта политика.

Я слишком давно одна.

Устала.

Мы переписываемся минут пятнадцать, потом Алена убегает по рабочим делам, угрожает написать, как только она вечером доберется до дома, и мне снова становится пустовато. Но есть еще неотвеченные сообщения, поэтому мне есть чем занять беспокойные пальцы.

О моем самочувствии справляется Олеся, еще несколько сотрудниц. Всем отвечаю примерно одно и то же в нейтральных формулировках.

Абонент “Шура” – самый неожиданный из написавших. Я помню её вчера – сидящую напротив меня в машине, объедающую ногти под корень и смотрящую на меня расширенными зрачками.

“Ангела Леонидовна, как вы?”

“Я в порядке, Шура, но в больнице”.

Мне кажется, что после такого ответа диалог должен загнуться, но с удивлением вижу три точечки “абонент набирает сообщение”.

“Ангела Леонидовна, а правда, что вас вчера в конюшне заперли?”

Перед ответом на это сообщение я зависаю, постукивая по колену пальцами. Мне не хочется, чтобы об этом судачили. Это, мягко говоря, роняет мой имидж руководителя. В то же время... Свидетели у этой истории есть. И враньем я могу только усугубить свою ситуацию.

Пока я висну, от Шуры успеваешь прилететь.

“У нас вчера и сегодня работали полицейские, спрашивали про этот случай. Говорят, что расследуют. Камеры смотрели, всех допрашивали”.

Ох, черт.

Вот это ничего себе!

Интересно, кто такой деловитый?

Хотя вариантов у меня немного. Это Ольшанский. Он меня услышал про “толчок”, он решил разобраться. Но зачем привлек полицию? Могли ведь тишком разобраться сами!

“Ну и чего они насмотрели на камерах, не говорили?” – набираю я, прикидывая общий урон, нанесенный моей репутации. Колоссальный урон. Теперь по всему клубу будут ходить сплетни, одна другой краше.

Ладно, разберусь с этим по факту. Самый пик сплетен я всяко пролежу.

“Парни из охраны говорят, на видео сложно понять, кто”, – Шура совершенно неожиданно оказывается неплохим источником информации.

Правда информация эта меня печалит, но все-таки теперь я знаю.

А камеры у нас и правда паршивые. Понятия не имею, в каком веке их закупали.

“Так все-таки это правда, да?” – спрашивает настырная Шура.

“А меня что, на камерах не видно?” – пишу насмешливо, а потом все-таки решаю не изводить девочку своим ехидством и просто добавляю: “Да, правда. Веста меня не тронула, но честно говоря, шансов на это было мало”.

Шурочка начинает снова что-то набирать, но дверь палаты хлопает, и ко мне бодрым шагом направляется дежурная медсестра. Опускает мне на ладошку пузыречек с еще двумя таблетками магния и дергает головой.

– К тебе пришли, Морозова. Целых два папаши по цене одного. Мы их правда не пустили, хотя господин полицейский и ужасно грозно махал на меня корочками. Выйди в холл, сделай одолжение.

Я встаю, терзаясь догадками, что же там за “два папаши”, и почему именно папаши, или тут всякий мужик, приходящий к лежащей беременной, автоматически записывается в эту категорию?

По дороге заглядываю в телефон, чтобы прочесть, что там мне написала Шурочка, но... Не вижу ничего. Видимо, она передумала. Странно, конечно, но и сама Шура немножко чудная и совсем молодая. Чего с неё взять?

3. Энджи

В гинекологическом отделении странная математика. Потому что мне сказали о двух “папашах”, а мужчины в холле меня ожидают аж трое.

– Господа, я не была настолько популярна даже в детском садике, когда мне выдали роль Снегурочки, – шутка выходит неуклюжей, и я даже сама не понимаю, для кого я её шучу.

Для Тимирязева, стоящего в отдалении, у самого окна? Вот уж последний человек, которому я сейчас хочу продлить жизнь.

Для Ольшанского, который... Мне кажется или он нарочно уселся на кресло в противоположном углу от Артема? Мне мерещится это напряжение?

Нет, пожалуй, нет. Они вообще друг на друга не смотрят.

Впрочем ладно. Для Ника я тоже шутить бы не хотела.

Сержанта полиции, при виде меня поднявшегося с кресла, я вообще впервые вижу.

Что ж, значит, я пошутила для себя и моего ребенка. Нам было весело, а значит – все не зря.

– Чем обязана? – на полицейского я смотрю не то чтобы с опаской, но он меня по долгу его службы как-то напрягает. С детства имею легкую фобию перед людьми в такой вот форме.

Даже если в форму запакован не очень складный парень, с длинным носом и нервными повадками. Он ведь все равно при исполнении.

– Мы работаем по заявлению о попытке умышленного причинения вреда здоровью, – сержантик торопливо распаковывает планшетку, – вы – Морозова Анжела Леонидовна?

– Да, я, – киваю и хвалю себя за то, что при слове “полиция” у меня сработал условный рефлекс и я взяла с собой паспорт.

– Вы согласны дать показания по озвученному делу?

Я киваю и замечаю, что неосознанно скрестила руки на груди. Когда-то Дима вывез, что, мол, люди так делают всегда, когда им не комфортно, и что это – мой любимый жест. Я начала возражать, помнится, но после этого реально – будто ловила себя с поличным. Да – скрестила руки на груди. Да – чувствую себя не уютно. А как еще можно чувствовать себя в компании трех напрягающих меня мужчин?

С сержанта хоть спрос маленький, он в моих интересах меня напрягает.

А эти двое...

Нет, мило, конечно, что они зашли, но... Мне бы хватило пары предложений в Вайбере. От обоих.

– Анжела Леонидовна, не могли бы вы как можно точнее обозначить время инцидента?

– Когда я оказалась запертой в деннике? Могу, конечно. Без десяти час.

– Такая точность, – сержантик придирчиво шурится, – вы смотрели на время?

– Меня ждали на обеде, я торопилась, – бесцветно откликаюсь я.

Это не тот ответ, который я хотела бы давать при Тимирязеве.

Я не хочу, чтобы он знал, что я хотела к нему прийти. Много чести.

Он уже сделал свой выбор, вот пусть и тащится к этой своей... Которую он в себя всосать пытался.

И все же он слышит.

И я периферийным зрением вижу, как именно после этого ответа его пальцы, стиснутые на предплечье, два раза по нему постукивают.

Эх!

Ну что ж, пусть хоть как-то поставит галочку в моей строчке и проваливает.

Он мне только босс. И ничего больше.

На остальные вопросы я отвечаю сухо, как можно короче, побыстрее, отчаянно желая как можно меньше личного выложить сейчас наружу. Увы, это сложно.

– Кто может желать вам вреда? – последний вопрос сержанта заставляет меня зависнуть.

– Речь ведь о сильной неприязни, да?

Сержант кивает, только усложняя мне задачу.

Я не самая приятная личность, да и призвание у меня такое – быть занозой в чужих задницах. Но рабочие мелкие склоки не тянут на такое.

Тут я человека должна прямо до трясушки бесить.

Возможно – сгодилась бы Юля, если бы она знала о моей ночи с Ольшанским и о том, что именно ему принадлежит пятьдесят процентов генного фонда моего ребенка. Но для Ника это воспоминание – табу, если он во сне не разговаривает – о своей измене он не проговорился.

А за то лишь, что конь мой её не признал – так не факт, что она вообще знает, что это был мой конь.

Может, это просто был тупой челлендж не самых умных подростков? Затаиться в конюшне и для зашкаливающей крутизны кого-нибудь где-нибудь запереть, как в школьном туалете?

На ум приходит Вяземский. В принципе, он испытывает ко мне достаточно сильную неприязнь, чтобы подкупить кого-нибудь для такого вот фортеля.

Или та девица Артема...

Наша с ней стычка на ипподроме вполне себе тянет на повод для неприязни. Она неровно дышит к Тимирязеву, а он отдал предпочтение мне на тот момент.

Но она точно была с ним, в ресторане, да и говорить о ней в присутствии самого Артема я не хочу. Нафиг мне не нужны все эти “моя девушка не такая”. И так тошно.

– Не могу ответить так сразу, – покачиваю головой, чтобы подвести точку в разговоре сейчас, – может, оставите мне ваши контакты, я вам перезвоню.

– Обязательно, – сержант вручает мне визитку, – я тоже позвоню вам, если у нас появятся дополнительные вопросы.

Да что угодно, лишь бы не отвечать на вопросы в компании лишних да еще и настолько неподходящих ушей.

– Выздоровливайте, – на прощанье желает мне сержант и бодрым шагом направляется к металлическим дверям выхода из отделения.

Что ж, человек, который меньше всего меня напрягал, покинул поле зрения.

Остались еще двое.

Ох, я бы тому сержантику еще и приплатила, если б он этих двоих с собой забрал!

Так, как бы их понежнее послать? Вот так чтобы вняли и оставили меня в покое?

Нет, в самом деле.

С чего они вообще решили, что могут взять и припереться по мою душу? Один – бывший друг, решивший, что мои чувства для него – какая-то плохая шутка, второй – мои недоотношения, выбравшие другую женщину для своих хотелок.

Пока я облакаю свои матерные мысли в цивилизную формулировку, Артем разворачивается от окна вполоборота, и я даже вздрагиваю, узрев на правой стороне его челюсти внушительную ссадину.

Это еще что за?...

С лошади упал?

Пассия норовистая оказалась?

– Может быть, ты свалишь уже наконец? – резко роняет он, и я сначала удивляюсь, с чего бы такое хамство – я вроде на больничном, а не на Гавайях с чемоданчиком уставного капитала клуба. А потом понимаю, обращались не ко мне.

– А может быть, свалите вы, Артем Валерьевич? – прохладно, но с весьма ощутимым вызовом интересуется Ник.

– Так, что происходит? – я стаскиваю с носа очки, просто потому что наблюдать этот цирк в подробностях у меня нет никакого желания. – Смею напомнить, вы – в больнице. И вот это все... Вы ради этого сюда приехали? Так я не заказывала петушинные бои, вы точно ошиблись адресом.

И ведь ни один из двух взрослых, мать его, зрелых поганцев, не желает мне отвечать. Таращатся друг на друга, будто пытаются испепелить взглядом на месте.

Нет, определенно я лишняя в этом страстном любовном дуэте.

– Что ж, была рада вас видеть, – на пределе терпения подвожу черту я, – пойду посплю, пожалуй.

Еще до того, как я успеваю развернуться обратно, в свой коридорчик, происходит сразу две вещи.

Ник плавным движением поднимается на ноги и тяжелая ладонь Тимирязева падает на мое плечо, заставляя остановиться.

Я с трудом удерживаю себя на месте – на самом деле мне хочется шарахнуть от него, как от прокаженного. Его касания жгут. Как жгут неисполнившиеся мечты, нереализованные надежды...

Я дура, да, я помню. Всегда ей была.

Пытаюсь снять его руку с моего плеча – а он ловит меня за ладонь и стискивает её, и вырвать руку из его хватки, не распрощавшись с парой пальцев, кажется нереальным.

– Нам надо поговорить.

– Она не хочет, – тихо произносит Ник.

И это почему-то бесит меня еще сильнее, чем все остальное. Какого черта он опять на себя берет?

– Я за себя сама отвечу, Николай Андреевич, – сквозь зубы цежу я, впиваясь в серые глаза Ольшанского с острой злостью, – без суфлеров.

– Хорошо, ответь сама, – Ник говорит будто на пределе терпения, – я надеюсь, что он тебя услышит.

Нет, определенно надо было слать их матом.

Вопрос лишь только в том, что любое слово в моей голове проходит цензурирование, особенно когда речь идет об общении с коллегами по работе.

А эти двое – мои коллеги.

Ужасно, но факт.

– Я хочу поговорить с Артемом Валерьевичем наедине, – холодно улыбаюсь я.

Этого ответа Ник, кажется, не ожидает. Лишь жестче стискивает зубы – о, я знаю этот жест, когда Ольшанский бесится от чужого упрямства, но вместо того, чтобы продолжить спор, Ник наклоняется и вытаскивает из-под кресла спортивную сумку. И как я раньше её не заметила?

Видимо, просто было не до того?

– Какая у тебя палата? – звучит сухой вопрос.

– Двести семнадцатая, – отвечаю я на автомате, скорее от удивления, а потом спохватываюсь, – тебе вообще зачем? Тебя не пустят!

– Да ну? – Ник ядовито изгибает бровь. – Ну тогда пускай медсестрички сами тащат два кило твоей одежды, косметичку, три литра минералки и три кило фруктов. Потому что тебе я это нести не позволю. Не после того, как ты на моих глазах со скамейки встать не могла.

Такого яростного отпора я не ожидала. И слова возражений как-то заканчиваются, что вполне устраивает Ника, сверкнувшего глазами и двинувшего по коридору.

Я слышу, как он добирается до стола дежурной медсестры, как на три тона ниже любезно просит у неё разрешения пройти в палату.

И ведь...

И ведь его пропускают!

А я так надеялась на вселенскую женскую солидарность!

– Ну вот мы и одни, Снегурочка, – хрипло выдыхает Тимирязев за моим плечом, требуя внимания, – и ты можешь залепить мне столько пощечин, сколько твоей душе угодно.

Ох, дьявол!

Я понимаю, насколько я поспешила, сорвавшись на Ника.

Потому что вот это вот все...

Я совсем не готова к этому.

Я только вчера приземлила носом в грязь свою увлекшуюся этим мужчиной дурочку. И сейчас я так отчетливо понимаю, что она от этого падения переломала себе все кости...

– Ну же, – Артем стискивает меня за плечи, разворачивая к себе, – никогда раньше этого не делала? Объяснить, как это делается?

Он смотрит на меня как провинившийся пес. Только что мне толку от его виноватого вида? Я ведь помню, с каким пылом вот эти самые губы вчера пожирали ту Барби.

– Не нужно, – я выпутываюсь из его рук, стирая с лица эмоции, – это неприемлемо с точки зрения субординации, Артем Валерьевич. Я не ваша девушка, чтобы позволять себе такие вещи.

– Я думал, ты не придешь, – отрывисто произносит Тимирязев, не спуская с меня пристального взгляда, – я понятия не имел, что тебя заперли. Я был в бешенстве от твоего отказа.

– И очень быстро нашли замену? – я позволяю себе натянутую улыбку. – Что ж, так бывает. Желаю удачи.

Если бы он не был моим начальником – я бы взвыла белугой, потребовала, чтобы он убирался с моих глаз, но... приходится быть терпеливой.

У моей жизни очень своеобразно выражается любовь ко мне.

– Я давно знаю Еву, – Артем снова шагает ко мне, приходится сделать шаг от него, чтобы расстояние между нами не уменьшалось, – да, мы с ней периодически спим, чтобы сбросить скопившееся напряжение. И только.

И только! Он говорит: “И только!”

После того, как я сама сказала ему, что значит для меня близость подобного рода? Сама чувствую, как стекленеют мои глаза.

Что ж, проведем этот разговор на понятном моему собеседнику языке.

– Вчера было? – я прямо смотрю в лицо Артема, стискивая зубы.

Ответ я знаю, и знаю, что больно все равно будет.

И все как я и думала – он плотно стискивает губы, а потом – коротко кивает.

Что ж, спасибо, что без вранья.

– Ну так и почему мы все еще об этом разговариваем? – улыбаюсь я через силу. – Я не ваш вариант, Артем Валерьевич, это было очевидно.

– Не существует никаких “моих” вариантов, – Тимирязев резко дергает головой, – есть ты, и я постоянно о тебе думаю. Каждый день. Я прошу у тебя прощения за вчерашнее. К тому же, я ведь тебе ничего не обещал. Ты не пришла на свидание, я имел право...

Он затыкается на полуслове, заметив и мою болезненную гримасу, и сам поняв, что понесло его совсем не в ту степь.

– Я не буду той, кто лишает вас каких-то прав, Артем Валерьевич, – я ежусь, снова скрепящая руки на груди, — давайте не будем терять вашего драгоценного времени. Я буду только вашим администратором. Больше мне ничего не надо.

– Моим администратором? – неожиданно кисло проговаривает Артем. – Или администратором Ольшанского?

Вопрос звучит ужасно странно.

– А что, есть разница?

– Оказывается есть, – глаза Тимирязева неожиданно остро вспыхивают, – особенно с учетом того, что очевидно лично мне. О том, как ты смотришь на него. Как он на тебя. Между вами явно не закрыто много личных вопросов. Что странно, с учетом его близящейся свадьбы.

Пару секунд я молча смотрю в светло-ореховые глаза Артема и пытаюсь понять, что мне на это отвечать.

А потом понимаю – ничего. Ничего мне тут не нужно отвечать, нужно развернуться и уйти нафиг.

Мужчина, выбравший другую женщину, пытается лезть в мою запретную зону, и более того, решил, что имеет право меня судить. А дальше что? Угрозы?

Будешь со мной или...

– Наш разговор не окончен, – слышу я за спиной жесткое.

– Окончен, – бесцветно отрезаю я и закрываю за собой дверь.

К черту!

Я иду к своей палате под дивный звон в ушах. Меньше всего я ожидала от Артема вот таких вот предъятий. Он казался другим. Казался – ключевое слово, пожалуй.

– Энджи, – я вздрагиваю и понимаю, что шла по коридору практически вслепую – ничего не видя перед собой.

Удивительно ли, что я почти впилилась в Галину Дмитриевну, свою лечащую врачиху. И только шагнувший мне наперерез Ольшанский успевает меня перехватить до столкновения.

Твердые пальцы на плечах – как дно, за которое следует уцепиться моим якорям. Не время для душевного раздвоя. Еще не все драконы побеждены. Не все изгнаны.

– Ты в порядке? – Ник крепче стискивает мои плечи, заглядывая в глаза.

И вот хоть волком вой, прося его так не делать.

– Да.

Ложь дается мне легко, но выходит плохо. Ник едва заметно морщится, и только по этому я понимаю, что он мне не поверил.

– Спасибо, что зашли, Николай Андреевич, – улыбаюсь я натянуто и шагаю мимо. *Только бы не...*

– Давай хоть до палаты тебя провожу.

...увязался за мной.

Черт!

– Тут пять шагов, я и сама могу дойти.

– Ну, не пять, а двадцать пять, и все-таки провожу. Еще вчера я тебя отправлял в больницу. Вряд ли ты исцелилась всего лишь за сутки.

Я слышу одобрительное фырканье Галины Дмитриевны и с трудом удерживаюсь от стога.

Она ведь как и все думает... Даже не подозревая, что этот конкретный “папаша” плевать на меня хотел. Он просто делает, как правильно в его системе мушкетерских ценностей. И плевать, что мне даром это не нужно.

Ладно, черт с ним. Я пролетаю оставшееся расстояние за несколько секунд и резко разворачиваюсь к Нику.

– Все, проводил, свободен.

– Ты не могла бы освободить мою сумку, Эндж? – улыбка Ника выглядит неестественно спокойной. – Мне не хотелось нарушать твоих границ и делать это самостоятельно.

– А разве ты не торопишься? – едко цежу я, чувствуя как внутри побулькивает злость. – К работе, к невесте, к свадебным хлопотам?

– Пятнадцать минут у меня есть. Я подожду.

– Вам вообще-то нельзя здесь находиться, – пытаюсь отбиться из последних сил.

– Втроем – нельзя. Одному – можно. Ну и на всякий случай... – Ольшанский поправляет сдвинутую на подбородок медицинскую маску.

Каждый раз когда я с ним говорю – испытываю непередаваемое ощущение, будто я цунами, а он – волнорез, предназначенный для моего уничтожения. Иначе почему раз за разом направленное в его сторону недовольство неизбежно оказывается проигнорировано?

И он не уйдет без сумки. Я его знаю. Боже, как же бесит, что я его настолько хорошо знаю.

– Что ж, придется сделать это побыстрее, – тихо шиплю я и, желая покончить с этим, шагаю в палату.

Ник без лишних слов двигает следом.

В палате чуточку попроще – здесь Ирина рассказывает кому-то по телефону, как плохо и скучно ей в больнице, с деталями – про то, как паршиво здесь кормят. Её много, её очень много. И хорошо, потому что...

– Как прошло с Тимирязевым?

Удивительный он все-таки человек. Умудряется не повышая голос перекричать очень громкую Ирину.

– Никак, – я раздраженно дергаю за язычок молнии, расстегивая стоящую на моей кровати спортивную сумку, – лучше бы не говорила. Можешь позлорадствовать.

– С чего мне это делать, Эндж?

– С того, что ты ведь меня предупреждал и все такое, – огрызаюсь я.

Все что есть внутри меня – кровоточит, разодранное в лохмотья.

Меня ведь и вправду предупреждали. Не один раз. Но я не хотела слушать советы от человека, решившего, что моя любовь к нему – это очень неудачная шутка. И не хочу сейчас.

– Мне ужасно жаль, что ты оказалась в этой ситуации, Эндж, – без всякого укора замечает Ник, – он изначально не был тебя достоин.

– Это не твое дело.

В который раз я это повторяю? В тысячный? Когда он уже меня услышит?

Когда поймет, что его жалость для меня оскорбительна?!

Наверное, стоило сказать ему, чтобы и эту свою передачку уносил с собой обратно, мне от него ничего не нужно, но прежде чем я соображаю это сделать – я вытаскиваю из его сумки лежащий сверху свитер и замираю.

Дзынь, дзынь – брякает за спиной прошлое.

Длинный свитер с пингином, уютная розовая толстовка, этакое мини-платье, которое совершенно не к лицу той, что следит за тем, чтобы тридцать человек подчиненных её отдела занимались на работе работой.

Но для того, с кем ты так часто зависала не на работе. Ездил на выходные за город...

Для того, от кого секретов не было...

– Я думала, ты пошутил про мою одежду, – севшим голосом комментирую я, – или заехал ко мне, взял у Ангелины...

– Подумал, что лучше возможности вернуть тебе твои вещи у меня уже не будет.

Ох-х...

Даже не думала, что слово “Вернуть” может вот так глубоко полоснуть меня по сердцу. Звучит так, будто они ему были поперек горла и ужасно не терпелось избавиться от этих ужасных напоминаний об ошибке по имени “Ангела”.

– Помойки работают без выходных. Давно мог избавиться от моего тряпья, раз оно тебе так мешало, – бесцветно произношу, вытаскивая из сумки еще и три своих футболки. Теплые носки, в которых я часто шастала по квартире Ника, когда мы засиживались и уезжать куда-то становилось поздно... Бог ты мой, тут даже заколка есть, которой я закалывала волосы.

И кружка...

И...

Господи, сколько же всего я умудрилась оставить у Ольшанского в квартире?

– Оно не мешало, – спокойно откликается Ник, – я все никак не мог найти повода их к тебе привезти. Ну или... Может, сам не хотел их отдавать и цеплялся за них до последнего.

Мне кажется, я слепну от этой его фразы. Он? Цеплялся? И как это вообще понимать?

Если задаваться вопросом – кто мой самый лютей враг, я не назову имени.

Мой враг – не человек, мой враг – моя же надежда. Стремление обмануться. Стремление желать того, что мне по умолчанию не положено.

И вот, пожалуйста.

Одна его фраза о том, что я что-то для него значила – и мое горло сводит всеми теми эмоциями, что я ежедневно сглатывала.

Так было тысячу раз. Тысячу раз за три года он говорил мне, что я для него важна. Что лучше меня в его жизни друга не было.

Вот только...

Что было после этого?

Я помню.

– Скажи мне, может, ты отменил свадьбу? – спрашиваю шепотом, игнорируя, что в палате царит абсолютная тишина. – Может, хочешь сказать мне, что тебе жаль, что вел себя со мной как конченный убудок?

Что-то вздрагивает на дне серых глаз Ника. Что-то... Мне этого недостаточно. Я устала быть второстепенной героиней. И простого “что-то” мне уже мало.

– Нет? Тогда какого черта ты себе позволяешь? – я снова обнимаю себя за плечи. У меня есть одна я, и это мне следует помнить.

– Я говорю, что скучаю по дням нашей дружбы, – тихо откликается Ник, осторожно касаясь моей лопатки, – думал, может, и ты тоже...

Вот оно. Дружба. Большого мне не предлагают, не так ли?

Дедушка Мороз, я хочу уже перестать испытывать боль, разговаривая с этим мужчиной. Я буду хорошо себя вести еще лет десять или двадцать, только подари мне в этом году исцеление от него навсегда!

– Правда хочешь знать? – я разворачиваюсь к Ольшанскому лицом, говорю с яростью, едва разжимая губы. – Скучаю ли я по времени, когда я смотрела тебе в рот? Когда изо дня в день замирала от всякой твоей улыбки, от каждого взгляда в мой адрес? Как каждое утро выбирала платье, надеясь, что ты увидишь во мне женщину? Как позволяла тебе лежать на моих коленях по вечерам и думала, что это что-то значит. А это ничего не значило, Ник. Ты вставал и смотрел не на меня. Влюблялся. Жил полной жизнью. А все что должна была делать я – молча ждать. Ждать, когда ты разочаруешься и снова позвонишь мне, потому что не с кем посмотреть хоккей пятничным вечером. Ждать и быть той, на которую ты никогда не помотришь.

– Энджи...

– Нет, Ник, я не скучаю, – я не позволяю себя перебить, – это были самые паршивые три года в моей жизни. И лучше бы их не было. В идеале – лучше бы и нам с тобой не знакомиться, но тут уж как вышло.

Он не говорит, но говорить тут и не о чем.

Он снова пытается ко мне прикоснуться, но я настолько отчаянно хочу, чтоб он ушел, что ощущаю его пальцы в паре сантиметров от моей кожи. Шагаю подальше, а потом резко прихватываю его сумку и переворачиваю её над кроватью. Что-то сыплется, что-то катится, что-то хлопает, падая аж на пол.

– Уходи, – я впикиваю сумку ему в руки не глядя, – и сделай одолжение, не навешай меня больше. У тебя беременная невеста. О ней и беспокойся.

Я замолкаю и слышу все.

Свое сердце, что вот-вот захлебнется в предсмертной агонии.

Его дыхание, каждый вдох которого отдается в моей душе колокольным боем.

Уйди! Уйди! Уйди!

Я думала – это навязчивая мысль, оказалось – привязчивый шепот. Слово, которое не сходит с моего языка.

Пара минут, что он стоит за моей спиной, кажется мучительной вечностью.

А потом – все-таки хлопает дверь за моей спиной.

Наконец-то.

Я бессильно сползаю на кровать, умудряюсь сесть на чашку, приходится её из-под себя вытаскивать.

– Вот это страсти у вас, – вполголоса комментирует Ирина, – не хочешь поподробнее рассказать, какой он козел?

Я бессильно болтаю головой. Не сейчас, не сегодня, не в этой жизни.

Взгляд мажет по полу, цепляется за ярко-зеленое пятно.

Склоняюсь ближе, тянусь пальцами к нему, понимаю, что пальцы скользят по твердой книжной обложке. Стаскиваю с носа залитые слезами очки, притягивая к носу свою находку.

“Тяжелый цвет Куртейна. Зеленый”.

Эту часть... Я еще не читала... И как он догадался?

Открываю книгу, скольжу по строчкам взглядом.

Буквы складываются в слова. Слова в спокойствие. Вот так-то лучше...

Пожалуй, Галина Дмитриевна права.

К психологу мне все-таки надо.

4. Ник

– Проходите, – медсестра открывает мне дверь и уступает дорогу.

Мама, когда я подхожу, опускает на одеяло планшет.

Для матери “неприлично взрослого мужчины” она у меня очень современная. Впрочем это не странно, она всегда такой была. Задавала мне с сестрой высокую планку.

– Коль, я просила же не грузиться, – бурчит мать, – у тебя полно беготни со свадьбой. Алька сегодня уже приезжала. Чего ты носишься через всю Москву к больной старухе?

Народная примета, если Карина Вадимовна Ольшанская начинает брюзжать, значит, понимает, что её пришли отчитывать. И ведь есть за что.

– Мне на тебя настучали, – укоризненно замечаю я, – просили напомнить, что в этой клинике не просто так жесткий режим.

– Всего одна сигарета, – мать прячет глаза, – когда они уже перестанут жаловаться тебе по такой мелочи?

– Не бывает мелочей после удаления легкого, мама, – терпеливо проговариваю я, – тебе уже стоит принять как данность необходимость смены образа жизни.

– И когда я успела вырастить такого зануду?

Я развожу руками. Ответ на этот вопрос мучает мою мать уже тридцать с хвостиком лет.

Увы, вынимаю руки из карманов, я совершенно зря.

– А это что? – мать цепко впивается взглядом в левую руку.

– Ничего.

– Ну уж нет, сынок, давай показывай.

А как оживилась-то, почувяв, что и сама может устроить мне выволочку. Глаза аж засверкали. Что ж, объясняться мне все равно сегодня еще придется, можно и порепетировать легенду.

– Ничего себе! – мать удивленно округляет глаза, разглядывая мои разбитые костяшки. – Ты что, подрался с кем-то?

Хорошая версия. Даже честная. И можно было бы кивнуть, не отрицая, но...

Это звучит слишком героично. Взрослые мужчины никогда не дерутся просто так. Да и не соответствует это заявление абсолютной истине, потому что основной свой урон я понес не в короткой драке с Тимирязевым. А когда сам в бешенстве, выходя из больницы, где лежала Энджи, шархнул по первой попавшейся мне на пути кирпичной стене.

Она вообще жалеет, что со мной знакома.

Боль не помогла, только выбесила еще сильнее, и внутренний ехидный комментатор посоветовал мне вернуться и постучаться об эту стену головой. Заниматься херней – так по максимуму.

– Неудачно упал на тренировке.

Счет по вранью у нас с мамой сегодня один-один. Я точно знаю, что сестры жаловались не на одну сигарету, за неделю мать ловили на курении уже трижды, а ей – ни к чему знать, что меня вместо кризиса среднего возраста разбил пацанячий идиотизм.

– Ну вот, – мама мрачнеет, – а я думала, расскажу Людмиле из шестой палаты, что ты за невесту кому-то морду начистил. Она мне все рассказывает, какой у неё зять резкий, как за её доченьку всех порвет. Врет, конечно, видела я того рвача, но ты мог бы и организовать матери повод для посплетничать.

– В следующий раз постараюсь, – улыбаюсь устало, а затем придвигаю себе стул и сажусь так, чтобы видеть лицо матери, – а тебе тут так скучно? Без повода?

Мать смотрит на меня в упор, и от её взгляда становится немного не по себе. Знаю я этот взгляд-рентген, просвечивающий внутренности.

И точно!

– Лучше ты мне расскажи, как у вас дела? Как Юлечка? – вкрадчиво интересуется мать. – Как подготовка к свадьбе? Ты уж, наверно, из кожи вон лезешь, чтобы все прошло гладко?

Вопрос не странный, но неизменно выбивающий меня из колеи.

– Все нормально, – кратко откликаюсь я, – ты ведь уже получила приглашение.

– А то как же, – мать округляет глаза, – розовое, с лебедями. Ты бы хоть сестру напряг с дизайном приглашений, у неё всяко больше вкуса.

– Приглашения выбирала Юла, – я пожимаю плечами, – мне было... Не принципиально.

– Не принципиально или плевать?

– Не начинай, пожалуйста.

– А я буду, – мать категорично хлопает по одеялу ладонью, – Коль, ну какого черта? Зачем ты женишься? Когда ты первый раз развелся, я выдохнула. Понадеялась, что хоть второй раз ты выберешь ту женщину, которая будет вызывать у тебя побольше эмоций, чем просто симпатию. А сейчас ощущение, что и её нет.

– Это просто выгорание, – я пожимаю плечами, – Юля – хорошая девушка. И не всем жениться на сносящих крышу страстях. Не все так умеют. Не всегда в этом есть смысл. Страсти заканчиваются, остается пустота. Я уважаю свою невесту и очень её ценю. У нас с ней будет ребенок. Ты ведь сама хотела понынчиться с внуками.

– Коль, заводить семью для галочки – плохая затея, – мама критично покачивает головой, – мы с твоим и Алькиным отцом пробовали. Я тоже думала, что уже возраст подходит, часики тикают, пора бы. Сам знаешь, что вышло.

– Ну, я-то не собираюсь никого бросать, как Андрей Борисович тебя, – я покачиваю головой, но ощущаю, как на душе скребут кошки. И дело даже не в упоминании биоотца, которого я за свою длинную жизнь видел раз пять, причем два раза из них были уже после совершеннолетия.

Нет. Не в этом проблема. Просто с учетом моей деятельности по выяснению отцовства ребенка Энджи – это не самый искренний мой ответ.

Потому что если мои не самые обоснованные подозрения подтвердятся – возможности сделать все по-настоящему правильно у меня не будет. Одна из женщин точно пострадает. И я пока сам не понимаю, что я буду делать в случае положительного ответа. Надеюсь на него, но совершенно не знаю, как с ним поступать.

– Знаешь, я бы очень обрадовалась, если бы вот это произошло из-за Юли, – мать бросает косой взгляд на побитую руку, – потому что это означало бы, что в твоей жизни наконец завелась та, что вызывает у тебя действительно сильные эмоции. Та, вечеров с которой ты не будешь так откровенно избегать, пользуясь любым удобным поводом, чтобы не ехать домой.

– Я беспокоился за мать. Это естественно.

В этот раз поединок взглядов у нас выходит на равных, потому что я действительно уверен в своей правоте.

Впрочем...

Нужно сказать...

И она ведь права...

Отчасти, но права...

Я ловил себя на этом не один раз. Что и правда после работы я чаще завожу Юлу и уезжаю по делам. Навестить мать, встретиться с приятелем, забрать бумаги со старой работы, помочь сестре с каким-нибудь не самым важным делом, съездить за какой-нибудь покупкой в магазин на другом конце Москвы.

Не все эти занятия нужно было делать срочно. Многие можно было отложить до выходных, за многие можно было просто не браться, какие-то – сделать гораздо быстрее, было бы только желание...

Почему его не было? Чего мне надо, спрашивается?

Отчего из раза в раз перед дверью собственной квартиры я замираю, будто собираюсь с силами?

Неужто гены нашего с Алькой биологического папаши настолько сильны, что я оказываюсь способен уклониться от ответственности уже сейчас?

Я ведь сам этого хотел.

Хотел семьи, с хорошей девушкой, готовой быть матерью.

Хотел...

Первый опыт был не самым удачным. Даже драматичным, если говорить откровенно. И дело не в измене Ольги, я ей даже не удивился, когда она произошла – в нашей семейной жизни творился крошечный ад. И мы оба не знали, как из него выгребать.

Кто из нас виноват в том, что случилось?

И так ли это важно...

Сейчас уже нет. Мы с ней друг другу не подходили.

Хотя при ней я хотя бы не шел домой с таким усилием.

С другой стороны – я тогда даже не догадывался о наличии у меня проблем такого рода. Не испытывал иррациональный страх, что та история повторится снова. Дело во многом еще и в этом...

Еще... А кроме этого?..

Обрывая себя на полумысли, я наконец проворачиваю ключ в замке и шагаю внутрь квартиры.

Так чего мне надо?

В воздухе – аромат ужина, и готовит Юла отлично, грех жаловаться. Я не предупредил, что приеду, и из ванной доносится шум воды. И голос.

Да ну! Уже скоро год, как мы съехались, а я все еще не в курсе, что Юла поет в ванной?

Ради этого стоит и задержаться...

Это потом я напрягаюсь, потому что слышу в голосе невесты страх.

– Господи, да ты с ума сошла? Как ты вообще могла такое подумать? Про меня!

Голос Юлы глухой, за шумом воды отдельные слова разобрать сложно. Ответ я, естественно, совсем разобрать не могу.

– Шурик, давай завтра все обсудим, – добавляет Юла еще сильнее понижая голос, – мы со всем разберемся, я тебе обещаю.

Больше разговор не продолжается, а шум воды – прекращается. Со странным ощущением я ухожу в спальню, чтобы переодеться. Тон разговора мне не понравился, но понять хоть что-то по тому обрывку беседы, что я услышал – сложно.

Тема такая, что можно подогнуть и под семейный скандал, и под заказное убийство. Паранойя по такому поводу глупо. Хотя моя паранойя и по менее подозрительным вопросам регулярно разыгрывается.

– Не слышала, как ты пришел, – Юля останавливается в дверях спальни, наблюдая за моим сражением с галстуком, опостылевшим за день.

– Ты была занята, – я пожимаю плечами, – бывает.

– Слышала меня? – Юля сконфуженно улыбается. Просто улыбается.

А мне мерещится тревога в её глазах. Что вы еще хотели знать об уровне моей паранойи? Дай мне волю – я обвешаю её прослушкой, лишь бы убедиться, что она ничего не творит за моей спиной.

– Не прислушивался, – я качаю головой, буквально стискивая горло собственной подозрительностью, – но уловил тон. Что-то случилось?

– А, да нет? – Юля нервно встряхивает волосами. – Шурка завалила сессию и её мать об этом узнала. Она решила, что я её сдала, потому что я позавчера запалила её зачетку, в которой

половина предметов непроставлена. Раскричалась, слушать ничего не хочет. А я уверена, что её матери просто из деканата позвонили.

Желание уволить Александру искушает меня в очередной раз. Бестолковая от слова совсем, теперь еще и нервы беременной родственнице треплет. Той, которая, между прочим, её постоянно выгораживает перед всеми.

– Я с ней поговорю, пожалуй, – проговариваю я вслух, – она со своими претензиями к тебе в положении ведет себя отвратительно.

– Да не надо, прошу тебя, – Юла виснет на моей шее, – мы со всем разберемся сами. Еще не хватало мне и вправду на неё ябедничать.

– Юль, – я сжимаю её подбородок, прямо глядя в глаза, – не все следует спускать и не всем. Ты ждешь моего ребенка. И если кто-то заставляет тебя нервничать – разбираться стоит мне. Тем более, что ты этого сделать не можешь. Слишком мягкая.

Непростительно, я бы сказал. Спускать нахальной племяннице скандалы на ровном месте – куда это вообще годится?

Невольно просится сравнение с Энджи. Вот уж кто оборонял свое личное пространство от любых посягательств. Я обидел её, обижал регулярно – и прощения мне не полагалось, по умолчанию. Несмотря ни на что.

А ведь к ней меня по-прежнему тянуло, как магнитом.

– Ник, пожалуйста, не лезь, – Юля прижимается ко мне крепче, – моя сестра – сложный человек. Ты выговоришь Шурке, а Танька со мной полгода разговаривать не будет. Думаешь, это не будет на меня давить?

– Это шантаж, ты в курсе? – хмуро интересуюсь я под шум нарастающего внутри раздражения.

– Я давно живу со своей семьей, знаю их как облупленных, – Юля болезненно морщится, – и не переживай за меня, со мной все в порядке.

А по нервничающему голосу из ванной так не скажешь.

– Так что, не будешь трогать Шурку? – Юля чуть отодвигается и берется за мой галстук, растягивая мудреный узел тонкими пальцами. – Дай мне честное слово, Ольшанский. Иначе я перестану тебя любить.

Шантаж продолжается.

И все равно главный мерзавец здесь я. Потому что она только что сказала, что меня любит, а я... А я думаю о том, что еще полтора года назад мои галстуки завязывала другая девушка.

Редко.

Эндж не так часто оставалась у меня ночевать, но когда мы с ней слишком долго гуляли, и отпускать её домой было поздно, или когда мы засиживались за фильмом или доской, допоздна ждали свежий матч Чемпионата Мира – я не отпускал её домой, благо спальня для гостей у меня в квартире имеется, и даже не одна...

У неё был пунтик насчет галстуков. И узлов для их завязывания она знала штук шестьдесят. И никогда не могла удержаться от того, чтобы потянуть свои ловкие пальцы к моему галстуку.

А я любил смотреть, с каким сосредоточением она издевается над этой чертовой удавкой...

– Ни-и-ик, – Юля щелкает у меня перед носом, и я буквально пинком вышвыриваю себя из воспоминаний.

– Извини, задумался, – произношу и понимаю, что голос как-то резко сел. Ох, дьявол.

Но от этих мыслей неизбежно перехватывает дыхание.

– Ты не дал мне слова, – Юла меж тем продолжает гнуть свою линию, – Ник, пообещай, что не полезешь разбираться с Шуркой. Я, в конце концов, не беспомощная девочка.

И вот в этом вся Юля Воронцова. Ей приспичило – и черта с два она отстанет, пока не получит интересующий её ответ. Заметил за ней эту черту только недавно. Ну, или она просто просекла, насколько часто я решаю её проблемы без особого спроса, и решила, что некоторые вещи не может оставить на самотек.

Мне не нравится эта настойчивость. Не нравится, что она настолько отстраняет меня от того, что я действительно должен делать как отец её ребенка. Беречь её. Но беречь мне её нужно и от ненужных скандалов. А в воздухе сгущается именно он.

– Черт с ней, – с трудом подавляя раздражение, выдыхаю, – учти, на шестом месяце ты у меня сама на себя столько брать не будешь.

– Уговорил, – Юля открыто улыбается, – буду чаще вспоминать про свои лапки и бросать тебя на амбразуру моих дивных родственничков. Ты еще пожалеешь.

– Ну, ну, – скептически морщусь, примерно представляя, что это обещание Юлу придется заставить сдерживать. Шило у неё не в одной ягодице. Такое ощущение иногда, что они у неё вообще в каждой точке тела торчат.

– Я завтра уеду на час раньше, – провожу ладонью по спине девушки, – мне срочно нужно завести моему приятелю документы.

Ложь, ложь – с недавних пор она стала практически неискоренимым спутником моей жизни. И как я позволил себе так завратиться?

Но не говорить же, что врач Энджи потребовала, чтобы я сдал кровь для генетического анализа до открытия их лаборатории. Чтобы никто не видел, каким именно способом она зарабатывает деньги на лечение больного внука.

И если не завтра – то вообще никогда.

– А как же я? – Юля капризно надувает губы. – Как я до работы без тебя доеду?

Мне кажется – она фальшивит.

Я не понимаю в чем, но уже разыгравшаяся паранойя может докопаться до чего угодно. Даже до дрогнувшего голоса.

– Вызову тебе такси. Только скинь СМС, когда будешь готова.

– Если переведешь мне денег на такси, будет немного проще, – Юля фыркает и проводит по моему плечу ладонью, – уж с вызовом такси я могу и сама разобраться.

– Как тебе удобно, – я пожимаю плечами. И вправду ведь – нет никакой разницы, кто вызовет машину.

– Спаси-и-ибо, – она ластится как кошка, лезет целоваться, а я – заставляю себя расслабиться. Не думать. Ни о чем не думать. Ни о ком.

Не напрягаться. Вытягивать тепло изнутри, в ответ на прикосновения мягких рук.

Эта девушка – носит моего ребенка. Она знала мои риски, она согласилась попробовать, и у нас с ней получилось. И если не она должна меня волновать, то кто еще?

– Что ты делаешь? – Юла резко выдыхает, перехватывая мою поползшую вдоль по её рубашке ладонь. Черт, надо было как-то резвее под ткань пробираться.

– Хочу поздороваться с сыном, – откликаюсь я невозмутимо, – или с дочкой, кто там у нас, врач не говорил?

– Я просила не говорить, – в голосе Юли звонко стучаются льдинки, – Ник, убери руку. Я же просила. Мне неприятно.

– Что я прикасаюсь? – не понимал этого раньше, не понимаю и сейчас. И очень надеюсь наконец положить конец глупостям в голове невесты. – Юль, не глупи. Любые твои изменения сейчас – естественны. И прекрасны.

– Нет, я сказала! – она взрывается внезапно, с силой отталкиваясь от меня. – Не трогай меня. Я не хочу. Я толстая. Ты увидишь меня и бросишь.

Вихрь проносится по квартире, хлопает входная дверь. Я выхожу в прихожую, чтобы убедиться, что Юла взяла куртку.

Иногда я забываю, что она беременна, до того она бывает хладнокровна и прагматична. А потом... Случается что-то такое.

И все-таки...

Не нравится мне её состояние. Даже для беременной какие-то уж слишком резкие перепады настроения.

Интересно, успею ли я завтра после сдачи крови на анализ заехать ко врачу Юлы? В конце концов, я – отец, имею право быть в курсе имеющихся проблем. А Юле о моем визите знать не обязательно.

5. Энджи

– Как вы думаете, почему вы здесь, Анжела?

Перинатальным психологом оказывается женщина лет на пять меня старше. Чуть полновата, в волосах поблескивают седые прядки – надо же, как рано, но глаза на удивление бодрые и энергичные. А я думала, что психологи – сами по себе напоминают клубок нервов, и потенциально – являются клиентами своих же коллег.

– Не знаю, – отвечая на вопрос пожимаю плечами, – потому что врач меня к вам послал.

– Ну, если я отнимаю у вас ваше время – мы на этом можем закончить. Я могу отметить, что у вас нет никаких проблем, и в наших дальнейших встречах не будет никакой необходимости.

В первую секунду я испытываю возмущение – до чего, однако, докатились все эти бюджетные врачи, вообще не хотят работать, а ведь вот на это уходит пять процентов моей зарплаты.

И вот черта с два, нифига я никуда не уйду.

Взгляд психологини не становится разочарованным, напротив – она будто выжидает.

– Я поняла. Я осталась, и вы ждете, что я скажу зачем?

Врач насмешливо шуруется и едва заметно опускает подбородок. А я немного зависаю. Как же это сформулировать, чтобы не прозвучало глупо?

По-моему, как ни сформулируй – но от моих проблем пахнет таким наивняком, что с ними просто стыдно к кому-то обращаться.

– У меня был нервный срыв, – медленно проговариваю я, – ну или что-то вроде того. Подскочило давление, без каких-либо особых причин. И оно не снижалось почти сутки после моей госпитализации. При этом сердце у меня здоровое, причин для таких вот историй как будто нет.

– Как будто?

– Как будто, – я повторяю, пребывая все в той же легкой прострации, – физических причин нет.

– Но есть эмоциональные, не так ли?

– День был сложный.

Короткий ответ психологиню не устраивает, она лишь продолжает выжидаяще на меня смотреть.

Ох, черт, как же сложно это!

Как сложно кому-то вообще об этой ерунде говорить.

Ну, подумаешь, отец моего будущего ребенка назвал нашу с ним ночь ошибкой и всеми силами делает вид, что её не было.

Ну, подумаешь – мне приходится с ним работать. Не маленькая девочка, давно должна была привыкнуть, что жить априори сложно.

Ну, подумаешь – оказалась в одном вольере с больной лошастью. Сама себя напугала, а все в итоге обошлось. И наверняка это какой-то придурок-подросток, как и сказал тот сержантик, потому что я в уме не представляю, кому могла насолить настолько.

Ну, подумаешь, мужчина, к которому я три года питала безответные чувства, женится на другой, и все это происходит в поле моего зрения.

Ну, подумаешь...

Тот, кто ухаживал за мной и действительно нравился мне сейчас...

Целовался с другой...

За потоком мыслей и путающихся объяснений я не сразу осознаю, что снова начинаю плакать. Бессильно, устало, вымученно.

Это все такая ерунда. А я... Опять проигрываю собственной глупости, собственным слабостям...

И мне еще даже платки подают... И воду...

– Не торопись, проплачься, – мирно советует мне психолог, – стресс, который ты сдерживаешь в себе, никуда не девается. И пользы он тебе никакой не несет. Только травит.

– Я так... Не могу... Не привыкла...

Господи, какие жалкие всхлипы рождаются на свет из моего рта. Был бы жив мой батюшка – вспомнил бы с печалью, как Тарас Бульба разделался с разочаровавшим...

– А как привыкла? – живо реагирует моя собеседница. – Привыкла как бой-баба все на себе тащить? И ни слезинки не проронить, чтоб другим было удобно и спокойно?

– Все взрослые люди так себя ведут, – хрипло выдыхаю я, впиваясь ногтями в колени. Боль чуть-чуть помогает прийти в себя, но не так твердо, как мне хотелось бы.

– Да ну? – психолог иронично поднимает брови. – Все-все взрослые люди так себя ведут? И те, что довели тебя до такого состояния, – они-то точно ведут себя идеально, это ты сама себя накрутила?

У меня звенит в голове, и я бессильно хватаю ртом воздух. Как рыба, выброшенная на песок, которая срочно пытается научиться дышать новым способом.

– Давай разберемся детальнее. Все ли описанные тобой люди достигли возраста совершеннолетия? И не на прошлой неделе, а уже порядочно?

Я киваю, все еще не набрав в себе достаточно сил для разговора.

– То есть их можно назвать взрослыми людьми, способными принимать самостоятельные решения. Но при этом все они ведут себя так, как им удобно. И плевать им на тебя, на твое спокойствие и удобство. Так?

Я закусываю губу.

Признать это – значит обвинить других людей в собственной уязвимости.

Но отрицать... Язык не поворачивается...

– Давай начнем немного раньше, Анжела, – психологиня успокоительно улыбается, смягчаясь в тоне, – мы уже поняли, что люди крайне редко ведут себя так, как удобно другим. И тебе тоже не стоит беспокоиться об удобстве левой тетки, вроде меня, когда речь заходит о проявлении твоих эмоций. Но наша с тобой задача сейчас не в этом. Мы должны понять, как ты оказалась там, где ты оказалась сейчас.

– И где же я оказалась, по-вашему? – я сама ощущаю себя готовой зарычать и вспылить. Да как она смеет говорить обо мне так, будто я какая-то слабачка?

– В депрессии, девочка, в депрессии, – невесело вздыхает врач, – причем абсолютно нешуточной. Представляющей огромную угрозу для тебя и твоего ребенка.

В депрессии, я? Этим модным словечком обожали прикрываться прежние мои “подружки” – точнее подружки моей “подруги”, незабвенной стервозины Крис, подставившей меня на старой работе. Депрессия была универсальной причиной, чтобы выпросить у мужа шубку, поездку на Ибицу, чтобы завести любовника или бросить работу.

При том, что я ясно видела – это просто каприз. Средство манипуляции, оправдание, симуляция...

И для меня слово “депрессия” всегда было практически синонимом такой вот бесконечной дури в голове, когда просто нечем занять мозг, что придумываешь себе драматичную болячку.

И признать себя... Такой? Да ни в жизнь.

Все это я проговорила вслух.

А врач не повела и бровью.

– К твоему сведенью, депрессия – это вполне конкретное психологическое расстройство, – мирно комментирует она, когда я затихаю, – очень опасное для человека, потому что

приступы тоски и уныния зачастую становятся причиной для суицида. А у беременных – частенько провоцируют выкидыши. Мы ведь с тобой не хотим ничего такого?

– Нет, нет, конечно нет, – я нервно встряхиваю головой несколько раз, – я очень хочу, чтобы мой ребенок родился на свет. Здоровым.

– Тогда давай приступим, – психологиня щелкает кнопкой ручки, – я буду записывать, если ты не возражаешь.

– Записывать что? – настороженно уточняю я, хотя возражений у меня на самом деле нет. Пусть. Если это надо – пусть.

– Детали, – кратко поясняет женщина, – например, расскажи-ка мне самое раннее твое воспоминание из детства.

Нужно сказать, впечатление на меня психотерапевт произвела... Странное.

Она была резкой, она была некорректной, её вопросы были совершенно не последовательны. От самого раннего детского воспоминания мы перешли к теме, насколько просто я схожусь с людьми, насколько меня раздражают любые отклонения от текущих планов, не имею ли я привычки пересчитывать листья на деревьях, или ходить на работу по одной привычной дороге, отчаянно боясь всех остальных.

Один час в её кабинете пролетел, как двадцать минут, и за это время я четыре раза почти дошла до точки кипения. Когда хотелось только встать и хлопнуть дверью, чтобы уйти подальше от этой ужасной, грубой тетки!

Я оставалась.

Моральный мазохизм – наше все, на самом деле.

Хотя иногда она мне напоминала зеркало. Саму меня, жесткую, беспощадную, тыкающую носом в косяки. Только я исправляла рабочие косяки, а она – нелогичности в моих представлениях о себе и мире, что меня окружает.

А на саму себя обижаться воистину бессмысленно.

– Что ж, – в какой-то момент психологиня останавливается и будто бы выдыхает, глядя в свой блокнот, – будем считать, что наша сегодняшняя встреча прошла успешно. Я думаю, вам есть что обдумать, Анжела.

Вот уж да.

Голова просто гудит от впечатлений, от всколыхнувшихся эмоций, тонет в мешанине противоречивых мыслей.

– Антидепрессантов я тебе назначать не буду, тебе их попросту нельзя, – продолжает женщина, – но психотерапию назначаю. Пока – раз в неделю. Нам много над чем предстоит поработать. Твоя самооценка – это что-то ужасное, дорогуша. Я спросила тебя о пяти вещах, что тебе в себе нравятся, и ты перечислила сугубо рабочие качества. Такое ощущение, что ты не живешь вне работы. И как при этом ты планируешь уходить в декрет? Ухаживать за ребенком до полутора лет?

– Ну, это будет моей работой.

– То есть ты планируешь положить себя на алтарь воспитания, ожидая, что твой ребенок будет платить тебе зарплату любовью? – шурится тетка. И в этой версии эта мысль смотрит действительно не особо хорошо.

– Ты должна сама себя любить, дорогая. Это будет гораздо полезнее для твоего ребенка и для вас обоих вместе взятых.

А я, получается, не люблю себя?

Так странно обдумывать эту мысль. Я-то по жизни себя считала огромной эгоисткой.

– Домашнее задание, – голос психологини ловит меня у самой двери, – постарайся отследить, сколько раз за день ты пытаешься себя ругать или критиковать. И каждый раз говори себе комплимент. И ставь в тетрадку палочку. Через неделю посчитаем, сколько раз это было.

– И где я возьму тетрадку? – скептически спрашиваю я.

– В больничном магазине бери. Только купи потолще. Иначе докупать придется.

Меня даже слегка задевает то, что психолог так уверена в своих словах. Ну, откуда ей знать? С чего она вообще решила, что я себя много критикую?

В палате я к своему удивлению обнаруживаю тетю Ангелину. Она сидит на моей кровати и с интересом листает зеленый томик Фрая. На моей тумбочке уже лежат какие-то контейнеры и связка бананов. Моя электрическая зубная щетка – вот уж по чему я действительно скучала.

Стопка одежды – на краю кровати.

– Ты рано! – я округляю глаза и кошусь на часы. – Даже одиннадцати нет.

– Ну что мне, тебя бросать, что ли? – тетка всплескивает руками. – Вчера допоздна смотрели состояние ремонта в моей квартире, уж не смогла приехать. Сегодня отпросилась с работы ради такого дела.

– Спасибо, – я порывисто обнимаю тетку. Как показывает реальность последних нескольких недель, все-таки семья для неё – не пустое слово. Характер у неё, конечно, тяжелый, да и псина вредная, но и я, скажем честно, – далеко не Нутелла на вкус.

Интересно, а вот это вот тянет на попытку поругать себя? Наверное, все-таки, да. Что ж, Анжела, ты – молодец. Где тут моя тетрадка?

– Анжела, – наблюдая за моими непонятными маневрами, тетка явно прикидывает, что ей важнее – досказать мысль самой или спросить меня, что за дурью я маюсь. Выбирает первое. – Анжела, я вообще-то не только вещи тебе принесла. Смотри.

На мои колени ложится один из моих счетов. Красный, почти багровый. С тех пор, как я хожу в должниках коммунальных служб – знаю, что таким вот нехитрым способом моя управляющая компания сообщает о критичности размера накопившегося долга. И я видела разные степени цветов этой бумажки за последний год. От светло-бежевого, до ярко-желтого, светло-розового и вот теперь... Красный. Багровый, даже. Плюс ко всему – к счету прицеплена вторая бумажка. Судебное постановление о взыскании с меня...

Суммарный долг заставляет сердце екнуть.

Я гасила их потихоньку, понемногу, на что хватало денег, стараясь платить по каждому пункту счета хоть чуточку, потому что знала, что если не платить вообще ничего три месяца подряд – тот же газ или свет запросто отключат. Но платила я не целиком – в первую очередь оплачивала счет по неустойке с бывшей работы, потому что знала точно – не заплачу Козырю, и его адвокаты с удовольствием меня вышвырнут из родительской квартиры.

И вот. Допрыгалась. До судебного требования в срок до четырнадцати дней оплатить долг целиком, в противном случае управляющая компания будет иметь право обратиться в службу судебных приставов.

Об их методах работы я знала.

От “войти в дом и забрать все ценное, что попадает на глаз, можно даже по четверти стоимости вещи, причем не магазинной, а цены с того же Авито”, до заморозки счетов и карточек. И вот этого допускать было никак нельзя – у меня как раз подходил срок месячного взноса по неустойке.

И на долг, и на неустойку имеющихся у меня денег не хватит...

Вот ведь черт!

Смотрю на бумажку невидящими глазами и понимаю, что не понимаю, что мне делать. Куда бежать? Даже почку не продашь, беременная ведь! И точки перед глазами кружатся, кружатся, кружатся...

– Я оплатила долг, если что, – выводит меня из зависания голос Ангелины.

В первую секунду я даже не верю, что услышала именно это.

Потому что это... Это выходит за рамки родственной помощи. Вот эта сумма – точно выходит!

– Ты с ума сошла? – хрипло спрашиваю, не поднимая глаз.

– А, надо было подождать, пока тебя из квартиры выселят? Да чтоб не тебя одну, да еще и ребенка твоего? – язвительно вскидывается Ангелина.

А мои пальцы теребят уголочек красной бумажки, пытаюсь растереть его в бумажные катышки.

Нужно что-то сказать. Что? Спасибо? Господи, да какое спасибо, тут одно спасибо как лопушок для прикрытия танка. Такое же бесполезное.

– Я тебе отдам, – произношу подрагивающим голосом, – выйду из больницы, сходим к нотариусу, оформим расписку.

– Можно спросить, а чем ты в этом случае свои исковые выплаты покрывать будешь? – сарказма в голосе Ангелины – на три грузовых вагона хватит. – Милостыню просить будешь?

Мои пальцы расправляются с уголком счета и принимаются скрести по колену.

Да, поздновато я к психиатру-то пришла. Надо было раньше! Какими словами я сейчас себя костерю – ни один словарь матных слов столько не знает.

– Это чересчур, ты сама это понимаешь, – бросаю на тетку прямой взгляд, – я очень благодарна тебе, когда ты берешь на себя ужины или вот сейчас, когда ты привезла мне вещи. Я могу стрельнуть у тебя пару тысяч до зарплаты, чтобы через неделю их вернуть. Я могу попросить тебя найти мне работу, и по гроб жизни буду обязана. Но это... Я так не могу. Не могу принять эту твою помощь. Поэтому давай сойдемся на расписке.

– Уймись, коза, – тетка тяжело вздыхает, и хлопает по покрывалу рядом с собой, – и сядь, у меня к тебе есть встречное предложение.

– Какое? – недоумеваю спрашиваю я.

Тетка не отвечает, выжидает, и пока я не сажусь, не открывает рта. Зато потом – наносит воистину неожиданный удар.

– Я тебе предлагаю продать нам с Иваном Александровичем твою квартиру.

– А?! – звук получается каким-то пришибленным. И немного оскорбленным. Я ведь даже не думала!

– Если быть точнее – мы тебе предлагаем обмен. Моя двушка, плюс его однушка – на твою трешку. С доплатой, потому что у тебя и район хороший, и планировка у квартиры прекрасная. Ремонт Ваниной квартиры уже закончен. Ремонт моей – идет полным ходом.

– Но зачем мне две квартиры, по-вашему?

– Анжела, ты беременна, – деловито напоминает тетка, – и мужика у тебя нет. Несколько лет тебе с ребенком придется обходиться небольшим количеством денег.

– Я это и так знаю.

– А выплаты судебные у тебя насколько еще? Лет на семь?

– На шесть.

– Все одно. И счета надо на что-то оплачивать. Ну допустим, хватит тебе денег на выплаты, есть-то ты что собираешься?

– И при чем тут это?

– Ох, ну что такое? – тетка сердито хмурится, досадуя на мою несообразительность. – Пойми ты, мы предлагаем тебе две квартиры. В ближнем Подмосковье. В одной живи, вторую сдавай. Ты не волнуйся, мы доплату хорошую тебе предложим, сможешь и к рождению малыша подготовиться. Может, даже долг свой вперед погасишь на некоторое время. И те деньги, что я заплатила – пусть они пойдут как маленький задаток.

Ага, нихрена себе маленький!

У меня на этот “маленький задаток” судебные приставы бы полквартиры вынесли.

Вот веселье для Ирины с Катериной. Слушают нас, тарачатся, рты пооткрывали.

– Тебе-то это зачем? – недоумеваю, а тетка неожиданно смущается.

– Да ну, разве это важно?

– Важно, – я покачиваю головой, – потому что я не понимаю, на кой черт вам с Иваном Александровичем трешка. Ты хочешь отдельную комнату для Риччика? Или он хочет бильярдную? Может, вам легче в Тайланд съездить, для смены обстановки?

– Ребенка мы хотим, дурочка, – неожиданно устало откликается тетка, второй раз за час выписывая мне нокдаун.

– Ребенка? Но как все это...

– Ты еще девочка, а мне уже куча лет, Анжела, – тетка вздыхает, – и климакс. Это ты захотела ребенка – забеременела, у меня так уже не получится.

– И вы...

– Мы решили взять из детдома девочку, – поясняет тетка спокойно, – уже присмотрели. Полгода брали её к себе на выходные, но хотим удочерить полностью. Лида – сирота, не очень здоровая, с задержкой в развитии, но и таким нужны семьи. Мы собираем справки. Вот только там все строго. Есть требования по жилплощади. Желательна отдельная комната. Мы сначала хотели просто продать наши квартиры и купить побольше, и разменять, никак не привлекая тебя, но... Я с тобой пожила... Узнала про твою беременность... Про исковой долг... Вижу, что тебе тяжело. Вот я и подумала... Может, мы с тобой друг дружке поможем? А квартира Ивана Александровича, кстати, гораздо ближе к твоей новой работе, чем эта. Ну, что скажешь?

Я молчу, переваривая информацию. На самом деле, тут столько всего – даже не поймешь, что первым осознавать.

– Ты ведь никогда не хотела детей... – произношу растерянно.

– Ну вот, а на старости лет придурь в голову дала, – Ангелина нервно смеется, – да и Ване Лидуська понравилась. Ты не думай, я уже три года об этом думала, в прошлом году готовиться начала.

– Даже не сомневаюсь, – улыбаюсь слабо. Тетка у меня действительно из таких, кто перед выполнением цели разузнает о ней абсолютно все. И разработает план. Я тоже такая. Ненавижу принимать спонтанные решения. Плохо они обычно заканчиваются!

– Ну, все, я тебе предложила, а ты – думай, – Ангелина поднимается на ноги, хлопнув в ладоши, – мы тебя не торопим, но и ты постарайся с решением не затягивать. Не согласишься ты – будем другие варианты искать.

Какой у меня веселый, однако, получается день!

6. Ник

– Тук-тук, – Юла неловко кашляет в дверях спальни, – доброе утро?

Даже не желает, а будто спрашивает. Доброе ли?

Ужинали ведь вчера раздельно. Но встала она сегодня определенно раньше обычного. До выезда на работу она вполне могла себе позволить еще час поспать.

– Я там тебе завтрак приготовила, – глаза виноватые, голос подрагивает, – поешь?

– Поем по дороге, – я качаю головой, – мне уже пора выезжать.

Шагаю к двери, но Юла шагает мне наперерез, перехватывая меня за руку.

– Мы оба вчера погорячились, да?

– Да? – я приподнимаю брови. Я почти всегда ей подыгрываю. В конце концов, не хочется расстраивать вынашивающую нашего с ней ребенка женщину. Но сейчас желания делать это нет.

Два часа она болталась непонятно где, вырубив телефон. Потом явилась, пошумела в ванной, позвенела тарелками в кухне и, всячески игнорируя мое присутствие, ушла в свою комнату.

А я от этой инфантильности раздражался все сильнее. Возможно, это гормоны. Но все больше походило на какой-то острый психоз.

– Ладно, я погорячилась, – Юла виновато склоняет голову и по девчоночьи меня бодает, – ты теперь до свадьбы будешь на меня злиться?

– Я действительно спешу, Юль, – сухо откликаюсь я, отводя от себя её руки.

Конечно же, она не унимается, идет за мной следом, смотрит, как я застегиваю пальто и беру шарф.

– Я понимаю, чего ты хочешь, Ник, – тихо и очень жалобно произносит Юля за моей спиной, – понимаю, хоть ты и думаешь, что все это не так. И я бы очень хотела, чтобы у нас с тобой все было как у всех. Просто... Ты ведь знаешь, что все идет не гладко. И те изменения, которых ты ищешь... Их нет у меня. И срок небольшой, и маловодие... Я так боюсь, что ты это увидишь... Увидишь, что у меня все неправильно.

Она начинает задыхаться за моей спиной... А меня снова сводит сильнейшая судорога злости на себя. Докатился. Довел до слез мать моего ребенка. Оборачиваюсь – смотрю на нее, прячущую лицо в ладонях.

Я ведь должен её любить. Должен ценить то, что она для меня делает. Дает то, чего я давно хочу.

– Успокойся, – я выкрадываю у себя пару минут, чтобы обнять девушку, провести ладонями по её спине, – я знаю, что у нас все не просто. И никогда не требовал, чтобы ты была такой же беременной, как и все. Не уверен, что это в принципе возможно.

Она вцепляется в меня с каким-то предельным отчаянием. Царапает по ткани пиджака, всхлипывает в плечо.

– Я так боюсь тебя потерять, – шепчет она, – так тебя люблю. А ты – как будто отстраняешься. С каждым днем все сильнее.

– Не говори ерунды. Все нормально. Если хочешь – могу приехать сегодня пораньше. Сходим в кино.

– Да, да, очень хочу, – Юла радостно вцепляется в эту идею, – мы давно время вместе не проводили. Погрязли в работе.

– Мне правда сейчас пора, Юль, – напоминаю я, осторожно отстраняясь, – увидимся на работе. Может, пообедаем вместе.

Она кивает, я выхожу?

Ну, и где мой занавес? Где аплодисменты?

Выдать столько правдоподобного вранья за пять минут общения...

Бью все рекорды.

Отдельная сковородка в аду мне будет полагаться за то, что после такого разговора с будущей женой я еду...

В больницу, где сейчас сосредоточено все мое несостоявшееся. В том числе и нелогичные порывы вывести Энджи на чистую воду.

Что плохого в том, что я хочу знать правду?

Только то, что я не знаю, что мне делать с ней после.

Ситуация выглядит отвратительно. И вообще не имеет выхода. Одно понятно точно – если мои подозрения оправдаются, я не буду тянуть до свадьбы и сразу обозначу ситуацию перед Юлой.

Признаваться в собственной неверности будет непросто, но вечно избегать этого просто нельзя.

Операция “сдача крови” действительно походит на какой-то жестко обусловленный квест. От меня требуют запарковаться в трех дворах от больницы, прийти к ней пешком и зайти в лабораторию со служебного входа. И лечащий врач Энджи, которую смог уболтать на мое мутное дело Лекс, встречает меня у дверей, надвигая на нос медицинскую маску.

– Халат наденьте. И бахилы, – устало требует женщина, нервно ежась, когда мы заходим внутрь подсобного помещения медработников. Это какой-то склад, и белых медицинских халатов здесь действительно лежит с избытком.

Один – вскрытый и отложенный, явно подготовлен для меня.

Перинатальный центр ранним утром – все равно больница. Здесь носятся медсестры, куда-то везут тяжелые тележки с кастрюлями, и даже есть пара ранних пациенток. Одна сидит у кабинета УЗИ, вторая попадает в коридоре лаборатории.

Мы, кстати, проходим мимо, и заходим аж в сестринскую. Пустую сестринскую.

– Садитесь, – моя сообщница запирает за мной дверь, кивает мне на стул у стола и ныряет в стоящую в углу тумбочку. К моему удивлению, достает она оттуда полный комплект инструментов для взятия крови из вены.

– Не в первый раз, или вы просто заранее подготовились?

Вопрос не удерживается у меня на языке и оказывается предельно рискованным. Женщина оборачивается ко мне, сурово сводит брови над переносицей. В её напряженном взгляде ясно читается желание послать меня к чертовой матери.

К моему счастью – до дела так и не доходит.

Врач стелет на стол одноразовую пеленку.

– Не в первый, – хмуро озвучивает она, – много вас, недопаш ко мне ходит и пытается от ответственности как можно раньше увильнуть. Примерно десять штук на одну действительно ветреную девочку. Рукав закатываем.

– Я не собираюсь увилить, – замечаю я, пока на моей руке повыше локтя затягивается жгут, – я наоборот хочу, чтобы результат проверки был положительным.

Во время нащупывания вены врач молчит. Только по шумному дыханию я могу догадаться, что все равно её раздражаю.

– Это же насколько нужно было обидеть девочку, чтобы она взяла и решила утаить отцовство? – презрительно цедит врач, когда кровь уже начинает течь в пробирку.

Да, это очень меткий вопрос. Пропускать который через себя мне совсем не хочется.

– Сильно, – невесело признаю я, – очень сильно.

– Да заметно, – тон не меняется, – после слабых обид с нервными срывами на сохранение не ложатся.

Объясняться и отнекиваться мне не хочется.

Переваливать вину на Тимирязева – тоже.

– Как она сейчас? – тихо спрашиваю.

– Спихнулись? – от кислоты тона моей собеседницы можно заработать язву. – Как она может быть? Восстанавливается. Быстро не ждите.

– Ребенку нет угрозы?

– Риски есть всегда, – безжалостно отвечает врач, – у девочки с затяжной депрессией они выше, чем у обычной роженицы с нормальным парнем. Могу за неё сказать вам спасибо, хотите?

Депрессия. У Энджи.

Я знаю, что это не шуточный диагноз. По крайней мере я уже видел женщину с депрессией, отправлял эту дуру на Скорой, когда она нажралась таблеток, почти год пытался удержать наш с ней брак на плаву.

И вот пожалуйста. Еще одна женщина оказалась в этом положении. Снова, во многом – из-за меня.

– Можно что-то сделать?

– Да все вы уже сделали, – врач небрежно вытаскивает иглу из вены и начинает встряхивать колбочку с кровью, – ребенка заделали, девочку бросили, нервы ей вытрепали. Памятник ставить можно. Деньги наличкой принесли, я надеюсь?

– Да, – плотно набитый конверт покидает свое тайное убежище во внутреннем кармане моего пиджака, – когда ждать результаты?

– А вот когда выпишу свою пациентку, тогда и пришло, – неожиданно отрезает тетка, – не хватало мне еще, чтоб вы сюда явились ей мозг выносить.

– Хорошо, – не сказать, что меня это устроит, я бы предпочел узнать результат как можно быстрее, но генетическая экспертиза такого рода делается десять-двенадцать дней минимум. И все зависит от лаборатории. Думать, что меня кинут, особых причин нет, Лекс говорил, что эта женщина – его старая знакомая.

– Ключ в замке, я никого не задерживаю, – бесцветно комментирует врач, – халат только на складе оставьте.

Я иду к двери, но в полушаге от неё останавливаюсь и оборачиваюсь.

– А можете оказать еще одну услугу? Не криминальную?

Смотрит на меня врач уничижительно. В духе – да чего ты можешь попросить хорошего?

Я излагаю до того, как она успеет меня послать. Как можно короче.

А потом добавляю дополнительное условие. И вот тут врач начинает недоверчиво щуриться.

– А это зачем?

– Потому что я прекрасно знаю, о ком мы с вами ведем речь, – чуть пожимаю плечами, – мою помощь она не примет. А ей нужны лучшие условия, чем есть сейчас.

– Это еще вы с чего взяли?

– По ней хорошо видно, когда она недосыпает, – устало отрезаю я, – простите мой скепсис, но я примерно представляю, какой трэш может твориться в общей палате госбольницы. У вашего центра далеко не пятизвездочный рейтинг. Вы поможете, или нет?

На меня врач смотрит испытующе, потом разводит руками.

– Оплачиваете по двойной ставке каждый день и я могу сказать, что отдельную палату ей сам президент оплачивал.

– Перебор. Достаточно и того, что затраты на себя взял работодатель, – я покачиваю головой, доставая кошелек из кармана.

К сожалению, в текущей ситуации, и это может не проканать. Работодатель у Энджи тоже умудрился испортить свою перед ней репутацию. Но именно поэтому формулировки я определяю как деловые. Это должно сработать.

Из перинатального центра я выхожу без чувства выполненного долга, но хотя бы с ощущением поставленной галочки.

Осталось только дождаться результатов.

В крови гуляет азарт, будто бы я уже держу их в руках и осознанно не вскрываю карты.

Мне все еще мало на что есть надеяться.

По пути в женскую консультацию я всерьез обдумываю свою необходимость туда ехать. С одной стороны, Юла вроде как обосновала свою истерику, с другой...

Я все равно хочу понять, как у неё дела. От неё ведь слова не вытянешь о её состоянии. Кажется, она даже может уехать и родить, а мне сказать месяца через три. Вскользь.

Имя лечащего врача я помню. Хотя и слышал один раз. Во всем, что касается беременности, моя невеста чудит не по-детски. Будто боится делиться со мной подробностями такого естественного и бесценного процесса, как зарождение новой жизни внутри неё.

Интересно, является ли это оправданием тому, что я действую за её спиной?

Хотя ничего криминального ведь в том, чтобы справиться о здоровье невесты, нет. Может, врач уже посоветует ей что-нибудь толковое? Санаторий?

В женской консультации оказывается неожиданно многолюдно. Даже не думал, что в утреннее время здесь столько посетительниц. У некоторых кабинетов попадаются парочки. Прохожу мимо, слышу, как сидящие у одной из дверей парень с девушкой обсуждают, мальчик у них будет или девочка.

Так странно ловить себя на зависти в эту секунду...

Я бы хотел снова оказаться на этом пути. И в этот раз – пройти его до самого конца, чтобы глаза в глаза посмотреть на свое продолжение. Но... Что-то в этот раз не срастается.

Я надеюсь, хоть на второе УЗИ смогу уговорить Юлу закончить со своей паранойей. Я тоже ведь хочу посмотреть...

– Вы к Татьяне Сергеевне? А с кем? – удивленно спрашивает меня медсестра, приостанавливается у искомого мной кабинета.

Я останавливаюсь. Да, наверное, мужчина без женщины в этом заведении – редкий зверь, похлеще чупакабры.

– Моя невеста состоит на учете у этого врача, – я киваю на табличку с надписью “Савельева Т.С.”, – и меня очень беспокоит её здоровье, но она ничего мне не говорит. Мне бы хотелось обсудить этот вопрос с врачом. Можно?

– Ну не знаю, – медсестра задумчиво морщит лоб, – мы обычно без мамочек не принимаем.

– У меня правда важный вопрос, – настаиваю я, – у нас сложная беременность, а она отмалчивается. Я боюсь, что она не хочет мне рассказывать, что все вообще плохо, тащит все в себе.

– Ну... Попробуйте, – девушка вздыхает и отступает в сторону, пропуская меня вперед, – но я бы на вашем месте на многое не рассчитывала. Татьяна Сергеевна очень строга в подобных вопросах.

Что ж, мне остается надеяться только на мои дипломатические таланты!

Татьяна Сергеевна оказывается сухощавой женщиной средних лет. И интуитивное ощущение у меня от неё хорошее. В строгом невеселом взгляде чувствуется хорошее знакомство с тыльной стороной жизни. На меня она смотрит скептически.

– Вы никого не потеряли, случайно? Или может быть, зданием ошиблись? Это женская консультация.

– Моя фамилия – Ольшанский, Николай Ольшанский.

Самое странное, что я вижу в глазах собеседницы странные искры. Будто бы понимание. Но при этом я слышу...

– И с чего вы решили, что я должна вас узнать?

Что ж, ладно, будем считать, что мне показалось. Хотя... Чутье и норовит напрячься сильнее и получше принюхаться.

– Я жених одной из ваших пациенток, Юлии Воронцовой.

Определенно, я вижу как подрагивают руки женщины, сидящей за столом.

– У меня много пациенток, – отрезает Татьяна Сергеевна, – и чего же вы от меня хотите?

– Я хочу обсудить её состояние, – говорю, а сам ощущаю, как ступаю по тонкому льду, – Юля очень нервничает из-за сложности беременности и очень мало мне говорит. Вообще почти ничего. Хотелось бы узнать побольше.

Она смотрит на меня долго, будто что-то в уме взвешивает. Или просто удивляется моей наглости?

– У вас есть свидетельство о браке? – наконец негромко уточняет она.

– Нет, – я качаю головой, – мы еще не расписались официально.

– Я не могу разглашать информацию о своих пациентках никому, кто называется их сожителем, – Татьяна Сергеевна чуть поднимает подбородок, скрещивая руки на груди, – вы не можете мне доказать, что действительно связаны с Юлией Воронцовой.

Хорошая такая подсечка.

– В её карточке должна быть моя флюорография, – парирую я, – делал её, как только она вставала у вас на учет. Посмотрите. Там написана и фамилия, и серия паспорта. Я могу предьявить свой.

– Все карты сдаются в архив после приема. И выдаются только при наличии талона, выданного пациентом.

– А те, которые на окне у вас лежат? – насмешливо уточняю я.

– Сегодняшние, – отбивается врач, не моргнув и глазом.

– Многовато, – я прищуриваясь, прикидывая количество карточек в шести высоких стопках, – штук шестьдесят в общей совокупности. У вас проходимость шестьдесят пациентов за день?

– Уходите, – голос Татьяны Сергеевны напрягается сильнее и сама она встает на ноги, – я вызову охрану.

– Старушку, что у вас в регистратуре сидит?

– Могу попросить о помощи пару папаш, что сейчас ждут у кабинетов УЗИ, – глаза Татьяны Сергеевны смотрят на меня с вызовом, – вряд ли откажут в помощи лечащему врачу их жен.

И все же...

Она недостаточно возмущена. Или сочувствует мне, но не нарушает принципов, или... Я не знаю что.

Но на контрасте с бесцеремонной врачницей из перинатального центра, которая даже по поводу своей взятки не очень переживала – Татьяна Сергеевна не кажется мне по-настоящему жесткой. Но почему-то упрямится.

– Послушайте, я всего лишь хочу знать, каковы её риски? – я прошу, меняя тон. – Я отец, в конце концов.

– Приходите с невестой, послушаете, – Татьяна Сергеевна с силой стискивает губы, – или распишитесь и принесите мне свидетельство о браке. Но если вы сейчас не уйдете – я могу и от пациентки отказаться.

Дьявол!

Такой чисто женский шантаж от врача возмущает.

Что ж, хорошо. Все на свете сегодня приходится отодвинуть.

– Я вернусь, – недовольство прорывается в голос.

В коридор выхожу с четким ощущением “несолоно хлебавши”. Хотя нет, я все больше понимаю, что моя невеста что-то от меня скрывает. Неужели её риски настолько высоки?

В кармане вибрирует телефон. Достая его, вижу на экране лучистую улыбку невесты.

Через какой супер-скоростной вай-фай у женщин настроена синхронизация?

– Слушаю, – поднимаю трубку, готовясь к новому скандалу. Ну, а что, сегодня же не было!

– Боже, Ник, где ты? – голос у Юли на грани паники. – Как далеко от клуба?

– Еще далеко, – я напрягаюсь. – Что-то случилось?

– Да! – она отчаянно всхлипывает на очень высокой ноте. – Шурка... Она... Тут такое!

7. Ник

– Я пришла, а она тут лежит. И пена изо рта идет....

Юля рассказывает это уже не в первый раз, но и в этот раз у неё дрожит голос.

Я приезжаю уже к шапочному разбору. Уже после того, как скорая забирает находящуюся в кумаре Шуру и увозит её в больницу.

После того, как Юла убивает час на то, чтобы не дать вколовшей себе убойную дозу морфина Шуре отправиться на тот свет.

Она делала ей искусственный массаж сердца до самого приезда скорой. Прибежавший по первому звонку охранник помогал с искусственным дыханием.

– Объясните мне, – медленно проговаривает Тимирязев, постукивая себя пальцами по предплечью, – у нас что, в медпункте есть морфин?

– По предписанию мы должны держать несколько ампул, для случаев тяжелых травм, – голос Юлы прерывается, – я всегда держала их в сейфе. Закрывала на кодовый замок. Проверяла ампулы раз в три дня. И Шурка, она... Видимо, подглядела код во время последней проверки.

– Подглядела? – повторяет Тимирязев. – Но с чего ей вообще его подглядывать? С чего ширяться морфием?

Юла стискивает руки на коленях, выламывая пальцы. Бойтся. Бойтся говорить.

– Говори, Юль, – устало требую я, – ты её всегда выгораживала. И к чему это привело?

– У неё... Были проблемы с этим, – тихо-тихо выдыхает моя невеста отчаянно вцепляясь в свои колени, – Два года... Она проходила лечение...

– Ты протащила наркоманку в мой клуб? – Тимирязев с размаху впечатывает кулак в столешницу. Юля прячет лицо в ладонях. Плечи начинают вздрагивать раз за разом. Плачет.

– Вы не могли бы сбавить тон, Артем Валерьевич, – невесело прошу я, – сейчас кричать уже бесполезно.

– А ты вообще не лезь, – Тимирязев вспыхивает как спичка, – ты – директор клуба, или кто? Какого хрена у меня уже вторая сотрудница на скорой уезжает? А ты в это время где-то болтаешься.

– Если вы считаете, что мое круглосуточное дежурство на рабочем месте поможет исправить ситуацию – мы можем обсудить этот вопрос.

Мы с Артемом смотрим друг на друга.

На данный момент – мы оба взаимно раздражены. Но это не должно мешать делам. Не должно мешать заниматься проблемами.

– Разберись с этим, – шипит он сквозь зубы, – сделай хоть что-нибудь до того, как мы отправимся на дно. Директор!

Уходит, хлопнув дверью.

Мы остаемся с Юлой одни.

Я остаюсь наедине с её всхлипами.

– Ну и? – голос звучит пустовато. – Как долго ты собиралась это скрывать?

Медпункт тонет в молчании. Юла, кажется, даже дышать перестает, чтобы быть неслышной.

– Юль, ты ведь понимаешь, чем нам это грозит? Скандалом. Наркоманка в медпункте! Нам прокуратура такой иск вломит, мы год работать на штраф всем клубом будет.

– Она по бумагам – технический работник, – тихо-тихо откликается Юла, – и с неё справку от нарколога не спросили.

– То есть ты прислала к Анжеле на помощь простую техничку?

Я вижу, как стискиваются на колене пальцы Юли. С силой, аж до белых костяшек.

– Шурка училась на медсестру. До лечения, – спуская голос до шепота отвечает. — Мне было плохо. Что было делать?

– Сказать сразу, – безапелляционно проясняю, – ты хоть понимаешь, как сейчас я выгляжу? Этот прокол повесят на меня. А мы с Тимирязевым и так сейчас на ножах.

– А что случилось? – Юля разворачивается ко мне, смотрит на меня огромными темными глазами.

– Не уходи от темы, – я покачиваю головой, не желая касаться причин нашей с Артемом ссоры, – ты не сказала, что твоя племянница, которую по твоей просьбе, устроили работать в клуб, наркоманка.

– Завязавшая.

– Завязавших не увозят в реанимацию с передозом, Юль.

Она снова прячет глаза виновато. И прессовать её, с одной стороны, жалко, с другой стороны – должны же быть границы у её игр в молчанку.

– Её куда не брали. Это... Запрещено. И Таня меня попросила им помочь. Прикрыть. Я за ней следила.

– Ты? Следила? – я повторяю хрипло. – Ты, моя беременная невеста, следила за тем, чтобы находящаяся в ремиссии наркоманка не сорвалась с катушек? А что бы ты сделала, если бы она сорвалась? Если бы вместо того, чтобы подсмотреть код, она просто двинула тебе стулом по голове ради дозы?

Мир будто подергивается, там, за пеленой ярости, что сейчас заволакивает мне глаза. Давненько я так близко не подбирался к критической границе бешенства. В эту секунду я уже даже с трудом вспоминаю, какими вопросами занимался утром. Что и не удивительно, когда на территории вверенного мне предприятия происходит такой вот трэш.

– Ну прости меня, прости, – Юля отчаянно цепляется в мои руки, – ты бы не разрешил, я знаю.

– Да, потому что твоя безопасность мне важнее, чем просьбы твоей сестры, – взрываюсь я, не удержавшись. Юля сжимается в комочек, снова прикрывает лицо руками, снова начинает всхлипывать.

Нет, этот диалог сейчас бесполезен.

Я оставляю Юлю искать ампулы от морфина – причем если мы не найдем эти чертовы ампулы, вот где нас ждет большая и горячая преисподняя.

Потому что без ампул наркоконтроль организует ответственной за хранение этой дряни Юлы миленькое обвинение в распространении наркотиков. Просто потому что почему бы им его не устроить?

Если Юла ампулу найдет – будет сочинять большую и длинную объяснительную, как технический работник, которую нужно было выдворять из комнаты с сейфом перед каждой проверкой, узнала код.

Помогать ей в настоящий момент даже желания нет.

Это ведь надо было умудриться, промолчать о таком вот “малюсеньком недостатке” у племяшки. После таких вот закидонов почему-то уже даже не очень странно отношение Юлы к своей беременности. Но от того оно выводит меня из себя еще сильнее.

Какие еще секреты скрывает от меня невеста?

Времени переварить происходящее просто нет.

Я не успеваю даже полпути до своего кабинета пройти, как от Тимирязева прилетает гневное “Давай ко мне!” с такой кучей восклицательных знаков, что даже сомнений нет, что сейчас меня ожидает.

С учетом того, что состояние взаимного недовольства друг другом у нас сейчас куда не делось – легкой эта беседа не будет. И беседой, в принципе, тоже.

Я угадываю.

Тяжелый, густой, вкатывающий в пол рык Тимирязева слышится уже на подступах, и каждый, кто оказывается хотя бы в зоне слышимости, уже испытывает желание втянуть голову в плечи. Из трех извергающихся изо рта Артема слов, два – исключительно матерные.

Мда, давно я его не видел в таком состоянии.

– У вас десять минут разобраться, в чем дело с камерой. Иначе собирайте вещи, – рявкает Артем, когда я вхожу, и почти что швыряет телефон на стол. Опирается на столешницу тяжело.

– Что-то еще случилось?

– А ты и об этом не в курсе? – острый взгляд Артема впивается в мое лицо.

– Ну, если ты меня вызвал, значит, сам собирался рассказать, – сдержанно замечаю, – и видимо, да, случилось. Я слушаю.

С Тимирязевым бесполезно воевать на эмоциональном поле. Он неплохо владеет собой на переговорах, но с сотрудниками работает плохо и регулярно срывается на резкости. И лучше всего возвращает его на землю именно деловой тон. Тогда он припоминает, что он не только хозяин мира, но и еще, ко всему прочему – владелец клуба. И у него должно быть какое-то лицо.

– Во-первых, Вяземский уже знает о нашем случае, – Артем яростно стискивает челюсти, – ему уже сдала все какая-то клубная крыса и я уже получил от него комментарий, в духе, что настолько сомнительные партнеры его юристов не особо устраивают. И нам нужно в срочном порядке или замазать эту ситуацию, чтобы, не дай бог, не пошли слухи, что мы тут наркотой торгуем, или – можем помахать деньгам этого старого мудака ручкой.

– Он уже отказался от контракта?

– Он приостановил выплаты до официального результата расследования. Сказал, что подумает над пересмотром или расторжением нашего соглашения, – Артем говорит на одном дыхании, глядя в одну точку, – я его гребаного сыночка наверх турнирной таблицы по гладким скачкам выпихнул, у него два новых спонсора. А Захар Максимович хочет меня кинуть.

– Мы ведь понимали, что так может быть. У Вяземского у самого неважная репутация.

– Да похрен мне на репутацию, ясно, Ник? – Артем взрывается, совершенно ожидаемо. – Ты прекрасно знаешь, что большинство инвесторов спрыгивают на том этапе, когда решают на всякий случай согласовать свои вложения с моим гребаным папашей. А он, конечно же, их не одобряет. Из всех заинтересованных только Вяземский действовал без оглядки.

– Не думал помириться с отцом?

Сам знаю, что эта почва – зыбкая, а тема – опаснее не придумаешь, но есть у меня ощущение, что добровольно Артем к этому решению точно не придет. Последний их конфликт... Закончился паршиво.

Вот и сейчас Тимирязев смотрит на меня злыми глазами, будто прикидывая, какую для меня выбрать казнь.

– Ясно, – коротко опускаю подбородок, снимая необходимость прямого ответа, – а что там было про камеру?

– Вчера вечером перестала работать камера, стоящая у дверей в медпункте, – раздраженно откликается Артем, – и никто из наших красавцев не обратил на это внимания. Не дошел. Не посмотрел. И мне это вообще не нравится. Я велел им поднять логи сигнализаций, но не уверен, что они с этим разберутся сами. Займись этим вопросом ты и как можно скорее. Я не хочу, чтобы у этого долбаного наркоконтроля возникли хоть какие-то сомнения, что вот это дерьмо – результат простой халатности. Нам не нужно, чтобы на нас прилепили ярлык наркочиллеров. Мы должны точно понимать, что происходит, когда они приедут. И знать, в чем каяться. Ты усек?

– Да, – киваю.

– Тогда вали, разбирайся, – Тимирязев хлопает ладонью по столу, – и чем лучше разберешься в вопросе, тем меньше будет вопросов к твоей невесте. И кстати о ней. Пусть справку

о беременности мне принесет. А то я с утра уже три приказа на её увольнение сочинил. Без справки пушу один из них в ход.

Я киваю, без лишних комментариев. Сегодня даже защищать Юлу нет никакого желания. Её выходка зашла слишком далеко.

Фронт грядущих работ не радует совершенно. Совершенно непонятно, как все это разгребать. И ведь ни единого светлого пятнышка на горизонте...

День такой, что куда бы я ни двигался, на полдороги меня настигают звонки. Вот теперь – на первой ступеньке охранного пункта телефон в кармане снова оживает. Юла...

– Ты нашла ампулы? – спрашиваю её в лоб. Не хочу терять время на ходьбу вокруг до около.

– Мне звонил мой врач, – голос невесты звучит неожиданно холодно и нервно, – зачем ты к ней ездил, Ник?

Обожаю свою жизнь. Вот именно этого разговора мне сейчас и не хватало!

Настроенные на получение СМС часы слабо вибрируют, сообщая мне о прилетевшем сообщении.

Отрываюсь на секунду от звонка, смотрю на прилетевшее от секретарши сообщение.

“Приехал клиент, просит о встрече с директором”.

Самая веселая жизнь – это когда наваливается все и сразу.

Но разумеется, в текущей ситуации терять клиента – самое последнее что мы можем себе позволить.

– Как ты мог? – всхлипывают там, в телефонном динамике. Там никто никуда не ушел, там по прежнему жаждут объяснений и поест мой мозг чайной ложечкой.

– Мог что, Юль? – я шагаю в сторону административного корпуса. – Озаботиться состоянием своей беременной невесты? С каких пор это преступление?

– Я тебя просила! – она даже не говорит, она кричит, так, что если отнести трубку от уха на расстояние вытянутой руки – барабанной перепонке все равно будет больно. – Просила не давить на меня! Просила уважать мое мнение! Хотя бы до свадьбы!

Первый раз наблюдаю её в таком состоянии. И оно ведь не удивительно. У неё было тяжелое утро. Шура отожгла как не отожгла бы Ключевская Сопка, теперь вот у ответственной за хранение морфия Юлы нависла над головой угроза служебного разбирательства, и ситуация складывается стрессовая в принципе. И все-таки...

Не все-таки! Она беременна! Нам нужен мир.

– Тебе стоит успокоиться, Юль, – я смягчаю тон, добавляя ему виноватых ноток, – мы ведь не хотим, чтобы и у тебя был нервный срыв? Не хотим рисковать нашим с тобой малышом?

– Я тебя просила! – она не желает униматься. – Просила дать мне время. Зачем ты явился к моему врачу? Ты мне не доверяешь, Ник?

– Хочешь сказать, у меня нет повода?

Я не хотел произносить эту фразу.

Она вырвалась из самых темных моих глубин, куда я обычно заталкиваю всю свою паранойю, которой только пальчик покажи.

Вырвалась и ударила в тяжелый набат, заставляя Юлю с той стороны резко замолчать.

Господи...

Сказать такое беременной девушке...

Почти то же, что ударить...

Ненавижу себя за эту неосторожность, но в то же время чувствую... Слабый отголосок удовлетворения.

Она ведь должна понимать, что лишает меня абсолютно всего.

Я бы каждую минуту с ней был. С ней и с малышом. Врезал бы в память каждую секунду развития нашего с ней ребенка. В ней.

Её беременность должна была нас сплотить. Но все произошло наоборот. Если до принесенного мне теста с двумя красными полосками наши отношения можно было назвать неплохими, пусть от чувств голова и не кружилась, то после...

Сегодняшний скандал – он давно назревал, на самом деле.

– Так может быть, ты и жениться на мне уже не хочешь? – всхлипывает Юля, и я прикрываю глаза.

Может быть...

Хотя нет.

Я точно знаю, что в глубине души сомнений нет никаких. Никаких “может быть”...

Вот только сейчас ведь вопрос не в том, чего я хочу или не хочу. Сейчас ведь вопрос в том, способен ли я нести ответственность за свои действия и свои поступки.

И Юля...

Я её выбрал. Сам решил зайти с ней дальше, чем стоило.

– Успокойся пожалуйста, – прошу я устало, – нам с тобой не нужны скоропалительные решения. Сейчас – и без того слишком много проблем. А твой врач... Я просто хочу знать больше, Юль. Я боюсь за тебя и малыша.

– Боишься? – тон невесты становится чуть другим. Как будто в темной буре намечается просвет. – Ты любишь меня, Ник?

– Ты ведь это знаешь, – стараясь не сбиться с шага, поднимаюсь по ступенькам к дверям, – давай поговорим вечером? Меня уже ждут.

– Давай, за ужином, – Юля всхлипывает и все-таки начинает спокойней дышать, – я плов приготовлю, хочешь?

Что угодно, лишь бы она успокоилась. Лишь бы угроза ребенку стала минимальной.

– Кстати, занеси, пожалуйста, Артему Валерьевичу справку о беременности, – спохватываюсь я уже у самой двери в холл.

– 3-зачем? – голос Юлы неровно вздрагивает.

– Затем, что он сейчас не в духе. И может тебя уволить. Если у тебя нет – позвони врачу и попроси выписать. Это срочно.

На этой фразе я заканчиваю разговор, выдыхая. Стираю с лица все лишние эмоции, нацепляю приветливую улыбку, шагаю в свою приемную.

– Доброе утро.

– Доброе-доброе, – мой гость вопреки ожиданиям не скучает на диване, а стоит у стены, на которой развешаны фотографии счастливых клиентов, и внимательно их изучает.

Оборачивается ко мне, и я быстро оцениваю стоящего передо мной человека. Цепкий взгляд, уверенная жестикуляция, общая хорошо ощущаемая аура уверенности. Костюм, часы – это все мелочи, на самом деле, статус не всегда прячется в них. Хотя тут и с этим полный порядок.

Руководитель. Что ж, неплохо, значит, и заказ будет весьма приличный.

– Николай Ольшанский, директор клуба, – аккуратно сглатываем “этого бедлама”. То, что могло бы прозвучать как шутка, сейчас выглядит печальной правдой. Ох, Энджи, как мне тебя сейчас не хватает.

– Берг. Дмитрий Берг, – белозубо улыбается мужчина и жмет протянутую мной руку.

Дмитрий оказывается владельцем айти-предприятия.

– Не “Майкрософт”, конечно, но и на свой офис денег нам хватило, – смеется он, рассказывая о своей работе, – правда ребята у меня немного зажатые. Замкнутые. Как и многие программисты, расшевелить их довольно сложно. А у нас два года со дня основания, хотелось устроить ребятам что-то особенное. Вот и решили провести тимбилдинг в конном клубе.

Хорошее дело. Абсолютно понятное и одобряемое.

Периодически и мы с Артемом обсуждаем необходимость чего-то такого, но как ни обсуждали – сошлись на том, что мероприятия такого рода вряд ли имеет смысл проводить раньше, чем весной. А до неё еще поди доживи.

– У нас есть немало наработок тимбилдинговых мероприятий, – улыбаюсь, делая широкий жест в сторону двери в мой кабинет. Приглашаю. Там у меня все, и брошюры с программами, и прайсы, и чего там только нет. Да и экскурсию по территории клуба я ему проведу, покажу все самые примечательные места.

Господи, только бы этот чертов наркоконтроль не приехал в этот неурочный час. Как говорится, дайте мне один час на охмурить этого мужика, а потом я готов хоть к расстрельной стенке шагать.

Дмитрий охотно шагает за мной, но зачем-то все-таки останавливается, бросает взгляд туда, обратно, на стену фотографий, с лошадьми и радостными лицами. Будто цепляется за что-то. Увлекает и меня. И прослеживая траекторию его взгляда, меня будто простреливает молнией. От затылка и до кончиков пальцев на ногах.

Энджи!

Двухгодичной давности фотка, из тех времен, что канули в Лету и подлежат забвению. Меня на фотке нет, я где-то там за кадром. Ловкий клубный фотограф, бродящий по территории клуба, ежедневно ищущий жертв для групп в соцсетях поймал удивительно медитативный момент, когда Энджи вовсю бодается со своим упрямым Люцем, запустила пальцы в его гриву. Такая живая, такая улыбчивая, какой никогда не бывает на работе. Какой я её целую вечность не видел...

Но ведь её здесь не было.

– Ты обновила фотографии? – бросаю взгляд на секретаршу.

– Да, я же вас позавчера спрашивала об этом, Николай Андреевич, – девушка не понимает моего удивления, – вчера распечатала, вставила в рамки. Сегодня с утра развесила...

– Ты самый оперативный секретарь на свете, Валентина, – я одобрительно киваю, а моя собеседница смущенно краснеет.

– Что ж, давайте уже обсудим ваше мероприятие, – я распахиваю перед Дмитрием дверь в кабинет.

Любопытство гложет зубами голодной тигровой акулы.

Он просто смотрел на фотки?

Или на эту конкретную?

Мне показалось или нет?

Он знает Энджи?

Лучше самого Дмитрия никто и не скажет.

Но устрой я сейчас допрос клиенту, вместо того чтобы убедить его выбрать наш клуб для своего корпоративного сабантуя, – и хороший заказ уплывет, помахав нам радужным хвостом.

Так что... Любопытство приходится заткнуть, а вот красноречие пустить в особенно далекий разгул.

Я люблю общаться с клиентами. В конечном итоге всех их сюда привело то же самое, что и меня когда-то. Любовь к большим и сильным животным с умными глазами.

И какой бы ни был далекий от идеала человек, но в итоге одна общая точка у меня с каждым входящим в Артемис имеется. И опираясь на неё, я могу уболтать клиента на что угодно. Заворожить увлекательными историями об уже проведенных мероприятиях, провести по дорожке между вольеров, жестом фокусника уронить яблоко в ладонь собеседника.

И вот уже его внутренний мальчишка, который жив даже под доспехом взрослого состоявшегося мужика, тянет это самое яблоко к нетерпеливым лошадиным губам.

– От вас и вправду не хочется уезжать, – негромко вздыхает Дмитрий под звонкий хруст яблока в крепких челюстях Данко, самого общительного клубного коня, – знаете что, я не буду больше никого искать. Мне у вас нравится.

Фокус удался. И даже наркоконтроль не испортил мне картинку. Есть все-таки хорошие боги, и они определенно болеют за Артемис.

– Договор можем подписать у меня в кабинете.

Обратно идем, обсуждая нюансы грядущего мероприятия. Разговор становится все менее и менее формальным. Я рекомендую аниматоров, зная, кто действительно лучше всех вытянет этот заказ, а сам внутренне примеряюсь – когда уже настанет время спросить про Энджи. И в каком, блин, контексте? Наверное, стоит все-таки дойти до приемной и уже там...

Дмитрий останавливается так резко, как будто налетает на стену. Я по инерции еще делаю два шага вперед, а потом спохватываюсь и оборачиваюсь к клиенту.

– Дмитрий?

Он почему-то не реагирует. С неподвижным лицом стоит и смотрит влево, не двигаясь с места. И снова мне приходится проследить траекторию его взгляда, только в этот раз мои глаза останавливаются на ступеньках клубного ресторана. На двух девушках, сидящих за неубранным столиком летней веранды и что-то бурно обсуждающих. В одной из девушек я к своему удивлению узнаю Юлу, во второй – Арину, одну из официанток. Они с Юлой дружат, по крайней мере “я слышала от Аринки” я от невесты слышу чаще, чем “мне мама сказала”.

– Это кто? Клиентки? – голос Дмитрия звучит неожиданно хрипло. Это не страх, но что-то не очень от него далекое.

– Сотрудницы, – осторожно проясняю. Причины для такой реакции мне не понятны, но...

– Я передумал, – неожиданно резко Дмитрий встряхивает головой, – я найду для своего мероприятия другой клуб. Извините, что отнял время, Николай.

Я даже окликнуть и отговорить его не успеваю.

Он просто разворачивается и быстрым шагом уносится к клиентской парковке.

Я в ступоре провожаю его взглядом. Что это было, черт возьми?

8. Энджи

Звонок раздается рано. Аж в девять утра!

Я понятия не имею, что делают нормальные больные люди в больнице, а я в больнице сплю. Я вдруг поняла, что мне надо, что у меня года три уже план по сну не выполняется, и взялась за невыполнимую миссию “догнать и перегнать”. В смысле перевыполнить...

Ну, конечно же, я не только сплю. Ох, кто б мне дал. У этих невыносимых больничных медсестричек не понос, так золотуха, не бесконечные анализы, так психиатр, обед, ЭКГ, градусники, кварцевания, школа будущих мам и что совершенно неожиданно – йога для беременных. Три раза в неделю. Правда это уже за отдельную доплату, но... Я решаю, что все-таки оно того стоит.

В итоге доспать удается час-два, и то обычно после обеда, в этот дурацкий тихий час, но вот конкретно сегодня я только поймала кайф от тишины отдельной палаты, только задремала в предвкушении утреннего обхода, только нашарила такой цветной, такой весь пропитанный моим фраевским настроением сон, и тут...

Нет, это был не “дзынь”, конечно.

Это был вдумчивый перелив мелодии одного исландского композитора, влюбившего меня в себя парой строчек: “я прощаюсь с тобой, я бы отдал все, чтобы мне сломаться...”

А что еще мне было ставить на звонок, если не это?

Номер незнакомый, это было удивительно – но при этом номер не был похож на номера всяких колл-центров.

Впрочем, лежа в больнице я уже даже на холодные прозвоны отвечала. В основном от скуки. И все же сейчас принимаю вызов с осторожностью, будто кнопку на тикающей бомбе нажимаю.

– Да?

– Привет.

Голос мужской, мягкий, неуловимо знакомый, но...

Фразу “это кто” я едва удерживаю на языке. Нет, я догадаюсь сама. Сейчас, сейчас. Ну вот вертится же где-то рядом догадка, ну...

– Не узнаешь, да? – отчего-то с той стороны трубки надо мной потешаются. – Так и знал, что не узнаешь, Гелька.

– Берг, чтоб тебя! – там, где нужно, щелкает, и я опознаю собеседника легко и просто. Только один придурюшный мужик в моей жизни звал меня вот этим придурюшным именем “Гелька”, утверждая, что более дурацкого имени чем мое, на свете никто не придумал. Хрен, мол, подберешь нормальное сокращение. Даже Даздраперма ему была удобоваримей.

Правда для нее он прозвища придумывал исключительно нецензурные.

Мой бывший жених.

Правда в ту пору, когда я его знала, он еще не был мужиком. Так... Молодым мужчиной... Или юношей, что отчаянно пытался им стать?

– Приятно знать, что не забыла, – Дима смеется. Смеется он, блин! Четыре года, как он наглухо исчез с моих радаров. Как рассказывали мне наши общие знакомые – он всем плел, что я совсем шизанулась после своей аварии и находиться в моей компании стало совершенно невыносимо.

Впрочем...

Уже пару лет как не рассказывают.

Я не спрашиваю, да и он вроде как успокоился...

И кто старое помянет, тому глаз вон, да? И вроде как у меня нет лишних глазиков.

– Ты чего это вдруг звонишь? – с подозрением спрашиваю. – Если что, сразу предупреждаю: денег нет, одолжить не смогу.

Отчасти, это мое заявление основано на реальных событиях. В ту пору, когда мы еще общались – Берга колбасило то влево, то вправо. У него потому и были проблемы с учебой, что у Димы в мозгу вечно было слишком много идей, далеких от образования. Точнее – от двух его образований. Как этот многорукий многоног умудрился одновременно получить две вышки сразу, да еще и в неслабых вузах – для меня было загадкой. Мне и одного за глаза хватило...

Так вот о деньгах...

В них Берг постоянно нуждался. Нет, не для того чтобы пустить их на ветер, но почти. Провернуть дельце тут. Там. Сям. И многие наши общие знакомые знали, что Дима может ни с того ни с сего завалиться и попросить тысяч этак пятьдесят, на неделю. Впрочем, чего у него было не отнять – так это обязанности. Долги он возвращал. И тут же начинал крутить новую идею, для которой тоже было надо...

– А вот и не угадала, Гелик, – абсолютно без обиды фыркает Берг с той стороны трубки, – да и не потянешь ты сейчас мои обороты. Вряд ли у тебя найдется пара миллионов в кредит на пару лет.

– Только не говори мне, что как только ты от меня ушел, ты сделал свой первый миллион, и я теперь должна обгрызать локти, что тебя упустила.

– Ну... – Дима так красноречиво молчит, что все становится понятно. И я... Не удивлена на самом деле. Почему-то его странный образ жизни, неукротимая энергия и шило в одном месте не оставляли сомнений. Все что с ним происходит – и правда всего лишь промежуточный этап на пути к успеху. И так и вышло.

– И чем занимаешься? По какому профилю? Управление? Программирование?

– Не поверишь, и то, и то, – Берг сознается с абсолютным удовлетворением, и оно тоже понятно – ни один диплом не пропал впустую, – у меня фирма по разработке мобильных приложений. И знаешь ли, хорошо плывем.

– Рада за тебя, – я чуть улыбаюсь, абсолютно честно. И странно говорить с бывшим женихом вот так, просто, спокойно, но... Это все Фрай. Это все свет Куртейна, и уютные современные сказки про литовскую столицу, которые я от больничной скуки начала перечитывать. Переслушивать, если быть уж совсем точной. Благо в отдельной палате для этого даже наушники не требовались.

Короче, во всем виноват Фрай. И в том, что я могу улыбаться по утрам, и в том, что я чувствую вкус еды – не всегда вкусной, но все-таки чувствую, и в том, что я могу разговаривать с людьми и не истекать кровью.

– Слушай, Гелик, – тон Димы становится чуть более деловитым, – а скажи-ка мне, где тебя можно найти? А то мать моя откопала тут где-то в недрах своих шкафов твой синий шарф и требует отдать его тебе как только так сразу. А моя мать... Ну, ты её помнишь.

– Помню.

Мать-генеральшу, Антонину Павловну Берг, жесткой рукой уже, получается, четвертый десяток лет управляющую частной московской школой – невозможно было вспоминать без содрогания. И в её случае – да, если она что-то решила, это что-то нужно делать, и соврать не получится. Каким-то неведомым чутьем Антонина Павловна распознавала ложь чуть ли еще не до того, как она была озвучена.

По всей видимости, даже большого взрослого Диму мама по-прежнему умела строить. Хотя с чего бы ей разучиться?

А шарф... Шарф я кстати помню. Когда Дима изволил меня бросить, я, кажется, даже хотела его забрать, его мне подарила мама на последний День Рождения перед аварией. Но раз за разом, сколько бы я ни приходила – шарф найти не могли. И это было больно, обидно, и тем удивительней, что он вдруг взял и сейчас нашелся.

– Так что, когда и где мы можем пересечься? – нетерпеливо вопрошает Дима.

– Я... Я не знаю, – неожиданно теряюсь с ответом, – я просто сейчас в больнице лежу.

И оно тебе надо в такую даль тащиться?

– Скинь мне адрес в СМС. Приеду сегодня в шесть.

Дима сух и деловит, как и всегда, когда в его мозгах методично щелкают невидимые рычажки, выстраивающиеся в механизм сегодняшнего дня.

Я опускаю телефон, некоторое время смотрю на заставку на экране. Немного провисаю.

Определенно где-то там во вселенной звезды располагаются как-то странно. Мой бывший жених. Хочет встретиться. Четыре года спустя после нашего с ним разрыва.

Судьба умеет удивлять!

Без пятнадцати шесть я застаю себя за... переодеванием!

И вот это возмутительно, настоящий нонсенс! Что это еще за дичь такая – переодеваться в платье перед встречей с мужчиной, который меня вообще-то бросил! И гадостей при этом наговорил, и мне, и окружающим, и даже маме своей!

Тем не менее вылезать из платья мне уже не хочется. Это кажется еще более глупой затеей, чем в него переодеваться. Если мне на него плевать – а мне плевать, то я вполне себе поболтаю с Бергом и в платье. Тем более, что оно и не платье вовсе, а очень длинный бежевый свитер приятной рельефной вязки, с наглухо закрытым горлом. Ничего крамольного, откровенного и соблазнительного. Ну, кроме того, что там, где заканчивается свитер, у меня находятся колени.

Берг является на десять минут раньше. Мерзавец. Он должен был опоздать, чтобы я, возмущенная в лучших чувствах, костерила его все время ожидания. Мол, ничуть не изменился, горбатого все-таки только могила и исправит. А он...

– Привет, – произносит и замирает в дверях моей палаты. Небритое, взъерошенное, синеглазое виденье. Мой шарф находится... На его, блин, шее!

– Это ты так намекаешь, что тебя им можно сразу придушить? – я скептически прищуриваюсь. Соблазн на самом деле велик. Нет, ну какого черта он потеет в мой шарф? Да еще и снимает с такой откровенной неохотой, будто это ему моя мама этот шарф подарила.

– Нет, ну охренеть же, охренеть! – Дима смотрит на меня, постоянно соскальзывает глазами на мой живот, и лыбится, как последняя скотина во все свои двадцать восемь отбеленных зубов. – Ты когда написала про перинатальный центр – я до конца не поверил. А теперь своими глазами вижу – ты все-таки смогла, Гелька!

Прибью гада.

Вот правда.

Я взрослая, злющая, ядовитая тетка, я могу перешагнуть через чью-нибудь голову на своем карьерном пути, могу даже на неё наступить, если будет надо. А он меня называет так, будто я – его закадычная подружка. И мы не три года не виделись – а три месяца лета. И разошлись не потому что потеряли слишком многое, а просто потому что предки разослали нас на дачи в разные районы.

И все же...

Потеря была нашей общей.

Наверное, поэтому я не злилась на него вообще. Пусть он наговорил мне много обидных слов. Пусть и повторял их потом нашим общим знакомым. Раз за разом, слово за словом.

Но в моей памяти и сейчас свежо воспоминание, как Димка, молодой, шепотливый, вечно носящийся по своим проектам Димка прилетал ко мне на УЗИ. Вваливался в кабинет в самый последний момент, волосы дыбом, глаза вот-вот выскочат из орбит. И взгляд на врача – как на географичку, на урок которой он явился только к самому концу...

– Можно войти...

Его пускали, конечно.

Пожалуй, именно моя беременность и была апофеозом нашего с Димой романа. Когда у него при взгляде на меня сияли глаза, а у меня – чуть что тянулись к нему руки. Он подарил мне чудо, что толкалось внутри меня. Его хотелось обнимать. Он – чуть не на руках меня носил. И эта нить, это предвкушение чуда – нового начала, новой истории – связывало нас так крепко, как никогда раньше.

А когда эта нить оборвалась. Просто резко лопнула, рассеченная скальпелем оперировавшего меня хирурга. И мы распались, но не на половинки, нет. Каждый разлетелся на тысячу осколков. Целым не ушел никто.

– Ты же знаешь, что я всегда добиваюсь своего, – фыркаю, быстро смаргивая проклюнувшиеся в уголках глаз крохотные слезинки. И вот эта вот его улыбка – улыбка радующегося за меня человека, проникает внутрь, прорастает наружу, расцветает уже на моих губах.

Боже, как давно я не радовалась вот так вот просто... Даже не кому-то, а самому тому, что со мной сейчас происходит.

– Всегда, – ухмыляется Дима снова, а затем оглядывает палату, – слушай, я точно не помешаю? А то не дай бог меня примут за твоего любовника, поди потом объясни психованному папаше, что синеглазая доченька у вас с ним не в меня, а в бабушку.

– За это не волнуйся, – развожу руками, – вряд ли я тебя удивлю отсутствием личной жизни. И забеременела я случайно, чудом, можно сказать. Так что выкидывать тебя из окна просто некому.

– Удивительно, – Дима покачивает головой, – чем дольше живу, тем более мне удивительно, как много в этом мире идиотов, не способных тебя оценить.

– Берг, по-моему ты ошибся больницей, – вздыхаю с сожалением, – привет, это я. Та, которая два года долбала тебе мозг, чтобы ты менял зубные щетки каждые два месяца. И не забывал оплачивать страховку. И еще кучей нудных вещей, которые тебя бесили.

– И правильно долбала, – Дима воздевает палец к потолку, – если бы не ты, я бы уже наверняка работал на зубные протезы. И с тачкой я тогда минимум трижды бы на деньги попал без тебя. И так бы и стирал носки вместе с трусами.

– Мне кажется, или ты забыл надеть рубище по пути ко мне? – прищуриваюсь. – Впрочем ладно, можем обойтись без него. Просто падай на колени и рви на голове волосы. Раскаивайся, что меня бросил. Прямо сейчас.

Дима пошатывается вперед, будто всерьез решает это сделать, но потом спохватывается.

– Слушай, нет, я только месяц назад сделал пересадку волос. Ужасно дорогую. Рвать не буду, знаешь, во сколько денег мне обошлась эта лысина?

Врет ведь, паршивец, шевелюра у него своя, да и склонности к раннему облысению в его семье ни у кого не было. А лицо такое скорбное, печальное... Только черти в глубине светлых глаз и выдают его истинное настроение.

Вот ведь...

Вроде повзрослел. Возмужал. Обзавелся брутальной щетиной и широкими мужскими плечами.

Не изменился ни на грамм!

– Ну и чего тебе надобно, старче? – склоняю голову набок. А Дима почему-то меняется в лице.

Эх, вот и хоть бы раз я в нем ошиблась! Нет. Увы. И даже спохватившись, что спалился в мимике, у него не получается скроить убедительную мину.

– Вот только не надо мне врать про шарф, – опережаю его вранье, – я ведь вижу, что ты с ним неплохо так сросся. И... – подношу ткань к носу, – боже, да он насквозь твоим Бандерасом пропах. Берг! Ты все три года, что ли, его не снимал? Что, не мог сам себе шарф купить? Обязательно было зажать мой?

– Оставил на память, – у Димы вдруг получается такое скорбное выражение лица, будто бы даже укоризненное.

И правда, чего это я! Он же вернул! Сподобился.

– На память обо мне? – саркастично приподнимаю бровку.

– А тебе жалко? – голосом обвиняя меня в скупердьяйстве, вопрошает паршивец.

– Шарф из чистого кашемира? Последний подарок моей матери? Дашь мне пару минут на размышление? А нет, не надо. Конечно, мне жалко. Тем более тебе.

– Знаешь, я тоже по тебе скучал, – вдруг с таким чувством произносит Дима, что пузырек с ядом в моей груди вдруг резко мельчает. Потому что получается... Убедительно.

Блин, а я уже и забыла, что он так умеет...

Так, что моя внутренняя волчица вдруг понимала, что глупо скалить зубы на луну. Но можно успокоиться. Расслабиться. Выпустить на волю подлинное – скопившийся вой измученной души. И в ответ тебе обязательно ободряюще ткнется в шею чуткий влажный нос...

– Ладно, – голос чуть проседает от набежавших эмоций, – извини, разворчалась тут. Глупо вышло.

– То есть мне можно оставить шарф себе? – тут же оживляется наглая морда и даже тянет клешни.

– Эй, ну не перебарщивай, – я уклоняюсь, но...

Как-то вдруг оказываюсь заключенной в крепкие объятия. И... Блин.

Сколько раз я еще так попадусь за эту встречу?

И ничего за пределами его рук не остается. Только тишина и прошлое. Пережитое.

Или все-таки нет?

В глазах дерет, в груди что-то потрескивает голосом свежего льда. Мои ладони скользят по теплой ткани его пиджака. Когда-то я находила эту спину очень надежной. И крепкой. И любила опираться на неё во время работы над дипломом. А Димка трывдел, что ему неудобно, бесит, и вообще ему надо работать, но все равно неизменно припирался на широкий диван, где я сидела с ноутбуком.

А этот дурацкий шарф мешает сейчас, его хочется бросить, но до кровати далеко, а на пол – все-таки жалко... Но мешает ведь...

– Прости меня, Гель, – почему-то очень тихо произносит Дима, и мне становится ужасно стыдно. Потому что у него мысли вот такие, а у меня – о шарфе. Чтоб его моль сожрала!

– Да не за что... – откликаюсь неуклюже.

– Да есть за что, – в тоне Димы слышится откровенное сожаление, – много-много за что. И ты не обо всем знаешь. И в этом я тоже виноват.

– Это ты о чем? – я не сразу созреваю на вопрос. Да и созреваю-то потому, что повисшее между нами молчание начинает першить в горле.

Да. Это нужный вопрос. Вопрос, который определенно заставляет Диму подтянуться, напрячься, сосредоточиться. Ну, и отпустить меня все-таки.

Собираюсь и я, внимательно рассматриваю бывшего жениха.

А он кусает щеку, оглядывает меня то так, то этак, все никак не может сформулировать.

– Еще пару секунд помолчишь, и я сочиню себе какую-нибудь страшилку, – предупреждаю, – что на тебя охотились бандиты, и ты меня бросил, чтобы где-нибудь зашкериться, и жил все это время в Нижневартовске, а на моем шарфе спал. И грезил моментом как ко мне вернуться.

– Боже, ты что, ясновидящая? – Дима в ужасе округляет глаза, но по напряженным бровям я понимаю – он все еще думает. Все еще сомневается, стоит ли говорить. И лучше помолчать, чтобы его не спугнуть, потому что он ведь и вправду может передумать. Если решит, что я не готова к его откровениям или, может быть, они все-таки просрочены. А я уже, честно говоря, заинтригована более чем могла бы быть.

Потому что, кажется, он и вправду пришел не просто так...

– Скажи, ты часто отдыхаешь в конном клубе “Артемис”?

Разговор начинается с самой неожиданной стороны. Мне даже требуется несколько секунд, чтобы его переварить.

– Ну, сейчас – нечасто. Сейчас – вообще не отдыхаю.

Я успеваю отчетливо заметить, как светлеет Димино лицо, и в лучших своих традициях все порчу.

– Я там сейчас работаю, Дим.

– Твою мать!

Это у него выходит экспрессивненько. И даже чуть-чуть обидно. Правда я все-таки соображаю, что на счет моей мамы это ругательство можно не записывать.

На лице Димы в эту секунду – густая пасмурность. Будто черные тучи сошлись в одной точке пространства и замерли, размышляя.

Размышляя.

– Ты так глубоко задумался, как будто хочешь предложить мне сменить работу, – брякаю наобум и только по тому, как резко вздрагивает Дима, понимаю, что интуицию все-таки не перебеешь ни гормонами, ни депрессивными метаниями.

– Что, правда?

– Я не могу, – гримаса Димы выглядит болезненной, – у меня весь штат укомплектован. И мой администратор... Она в теме. Я не могу её сейчас тобой заменить. Особенно с учетом твоего декрета.

– Ты понимаешь, что твой виноватый тон выглядит странно? Ты ведь мне ничего не обещал, да и я вроде как не собиралась менять работу...

– Ты не понимаешь, – Дима снова кривится, – ты ведь ничего не знаешь.

– Так, может, просветишь?

Еще чуть-чуть – и я потеряю терпение. И выгоню его нафиг, раз он никак не может разродиться! Ну сколько можно-то?

– Ладно, – наконец решается он, – надеюсь, я тебя не напугаю. Потому что... Не хочу, чтобы ты нервничала лишний раз. Я, может быть... Я, может быть, накручиваю. В конце концов, три года прошло. И... Люди меняются...

Кажется, он сам себя уговаривает. А я – стараюсь излучать терпение, хотя внутренне уже думаю, что идея придушить Берга шарфиком была не так уж и плоха...

– Я был в Артемисе сегодня утром, – отрывисто произносит Дима, глядя на меня в упор, – видел там твою фотку.

– И?...

– И свою бывшую я там тоже видел.

Какие там пять стадий принятия неизбежного? Отрицание, гнев, потом торг, понимание и смирение?

Моей первой реакцией становится ступор. Я серьезно зависаю, пытаюсь осознать причины и следствия, и... Честно говоря... Терплю в этом сокрушительное поражение.

– Дим... – вздыхаю, пытаюсь не смеяться, – ты вроде всегда был практичным парнем. Неужто ты всерьез пришел просить прощения за то, что у тебя после меня кто-то был? Это настолько глупо, что...

Совсем на него непохоже.

Поэтому я затыкаюсь на полуслове, глядя как Дима проводит ладонью по лбу. Лучше дам ему выговориться, что ли.

– Она не была моей бывшей после тебя, – наконец созревает он, – она была бывшей до тебя.

Еще круче. Он что, переживает, что не достался мне девственником? Хотел сохранить целомудренность для единственной и не смог, а теперь решил покаяться?

Господи, Энджи, какой все-таки бред кипит в твоей голове.

– Честно говоря, несколько раз у нас с ней было и во время того, как мы с тобой встречались, – Берг виновато морщит нос.

– То есть ты мне изменял тогда? – откровение куда более болезненное, чем все сказанное ранее, но все-таки срок годности у этих обвинений уже истек. Пофиг. Почти что.

– Знаешь, если я начну сейчас оправдываться – это будет ужасно тупо, – Берг коротко вздыхает, – и если взрослый мужик начнет рассказывать, что им манипулировали, чтобы с ним переспать... Это такое. Неубедительное.

– Да.

– И все же так было. Странные звонки, странные просьбы. То у неё умирает собака, которую я подарил, и ей очень грустно, не мог бы я приехать и побыть с ней рядом. То мать выгоняет её из дома и ей негде жить и она неделю кантуется у меня, потому что больше негде, никто ей кроме меня не поможет. И за эту неделю она дважды влезает в мою постель, потому что ей страшно, и она чувствует себя ужасно одиноко. Нет, не смотри на меня так. Я знаю, что мурак, эта история не про это.

– А про что? – легкий флер ностальгии потихоньку испаряется, зато мне потихонечку становится чуточку интересно. Это, конечно, не Фрай, никакого сравнения, но тоже интересная история, чего уж там.

– В какой-то момент начали вылезать странные моменты. Например, её мать, которая ищет её чуть ли не с ментами по всему городу и наезжающая на меня, что растлеваю её девочку. И на мои претензии, что она сама выставила дочь из дому, смотрит на меня как на психа. Ну и другое.

– Например?

– Там мало связного, если честно, – Дима разводит руками, – но когда мне рассказывали историю, что Лакки долго болел и героично сражался за жизнь, а потом я узнаю, что за пару дней до этого её видели со здоровой собакой во дворе... Я не сыщик, Гель. И не особо слушал тогда дворовых бабок. Сейчас – много уже забыл. Знал бы – записывал бы.

– Знал бы что?

– Когда мы с тобой съехались, я с ней совсем порвал. Даже сменил номер и снял другую квартиру, чтобы она возле неё не паслась. Не хотел, чтобы она лезла к тебе со своими откровениями, ты тогда только-только на первую работу устроилась.

– А говорил, что тебе задрали цену, – укоризненно цокаю языком.

Нет, все-таки определенно под моим носом можно, оказывается, повернуть довольно многое.

– Да нет, наша квартира была подороже, – Дима фыркает, будто припоминая, – но честно говоря, так казалось как-то честнее. Ты же дистанцию тогда держала, пока не съехались. И чтобы наш с тобой первый раз был на том же диване, на котором я...

– Изменял? – безжалостно интересуюсь, просто для фана. Пока вся эта история – это неплохое развлечение, чтобы попинать Берга по его больной совести. А там, судя по всему, есть больные места.

– Изменял, – обреченно кивает Дима, – я так не хотел. С тобой у меня все было серьезно.

– А с ней, значит, несерьезно?

– Да нет, – Дима встряхивает головой, – познакомились на каком-то капустнике. Она даже не из нашего вуза была, её кто-то с собой привел. Я переспал с ней, по пьяни, но совести не хватило сразу после первой ночи её кинуть. Повстречались пару месяцев, быстро понял, что не мое. Очень вязкая, сложная, гиперэмоциональная. Сейчас смеется, а через пару минут может начаться истерика. Сначала было терпимо, потом достало. Правда отвязаться оказалось

сложно. Она ревела, говорила, что любит, а я... Я тогда был как тот телок. Три года короче провели в состоянии “не встречаемся, но периодически спим”. А потом у меня с тобой закрутилось. И это было серьезно...

– Куда уж серьезнее, чуть не поженились, – фыркаю, – ладно, ладно, я не перебиваю, продолжай. Мы никак не дойдем до сути, а мне интересно.

– Гель, это не история, над которой стоит вспомнить и поржать, – Дима неожиданно шагает ко мне и ловит за плечи, – я не верю, что эта психопатка случайно оказалась рядом с тобой. После всего, что было...

– А что было, Дим?

Нешуточная тревога в его голосе не кажется какой-то поддельной и отдается во мне.

Я ничего не знаю.

Не понимаю.

А он, получается, вполне себе понимает...

– Сначала ничего, – Дима отходит чуть в сторону, будто не глядеть в мои глаза чуть проще, – я думал, все, она все поняла, нашла себе кого-нибудь, симпатичная же девчонка, вряд ли у неё с этим проблемы.

А потом началось... Я находил дохлых ворон у нас под дверью. Она слала любовные письма прямо пачками. Не знаю, как нашла наш адрес. Говорила, что я совершаю ошибку, что не буду с тобой счастлив, что её тетя гадалка предсказала, что если первый мужчина её племянницы её предаст – умрет рано и трагично, и прочий бред. Она угрожала, что покончит с собой. Уверяла, что изменится. Доходило до маразма. Я не знаю, как она узнавала – видимо, следила за тобой. Но она стриглась как ты. Одевалась как ты. И это не просто слова, Гель, она регулярно присылала фоточки. Вроде как “посмотри, я же не хуже”.

– Как я не заметила? – медленно обрабатываю факты.

– Не знаю, – Дима звучно вздыхает, – писала диплом. Потом – первая работа. Ты не обращаешь внимания на глупости. И потом, я так старательно заметал следы, не хотел, чтоб ты узнала об изменах, и кажется, перестарался. На мое счастье, она феерически боялась тебя и к тебе не лезла.

– Не тянет это на глупости, – тихо произношу, – получается, что рядом со мной и тобой три года находилась сталкерша, следила за мной, а я и не в курсе?

– Она умеет быть незаметной, – Дима покачивает головой, – и потом, не три года. Год. Когда ты забеременела – у меня сдали нервы. Я подкараулил эту дрянь ночью и предупредил, чтобы она оставила нас в покое. Что ты ждешь ребенка, и если она хоть еще раз как-то к нам полезет, создаст для тебя угрозу – я лично выбью из неё всю дурь. И не посмотрю, что женщина. Это было грязно, но сработало. Она пропала. Вернулась только после...

Дима замолкает, отрешенно глядя в окно. Мне почему-то становится ясно, о чем он недоговаривает.

Моя авария.

Точка перелома, о которой мы оба так и не научились говорить.

– Я не знаю, как она узнала, – тон Димы спускается почти до шепота, – факт в том, что уже через два месяца, как ты вышла из комы, она объявилась снова. Снова начала твердить свой бред, про то, что мы созданы друг для друга и что зря я с тобой вообще связался. Что ты даже моего ребенка не смогла сохранить и все такое.

– А ты... – сама звучу слабо, потому что все-таки касаемся мы очень болезненного эпизода моей жизни.

– А я сказал ей, что если замечу её еще раз – сделаю все, чтобы её упекли в психушку. Наверное, не стоило предупреждать. Просто заявлять на неё сразу. С другой стороны... У нас очень хреново сажают по таким вопросам. Нет тела – нет дела, епт. Я узнавал тогда. Прикидывал шансы. Но она будто вяла. Снова пропала. А потом ко мне пришла её подруга.

– У неё были друзья? – не знаю, почему я удивляюсь этому факту. Почему нет? Наверяд ли за своими друзьями эта Дими́на пассия бегала с таким же маниакальным упорством. И потом, когда тебе рассказывают что-то там про бывшего, который терпит неудачи на личном фронте – ты вряд ли задумываешься, откуда твой собеседник все это знает. Ну, мало ли что. Видела, зацепила взглядом в соцсетях, кто-то сболтнул... Мне ли не знать, как глубоко задевают безответные чувства. Впрочем, я свою страницу с Ольшанским закрыть смогла. Оставила его...

Я не знаю как у кого, а у меня мысли щелкают, будто кончик длинного хлыста в воздухе.

Щелк.

Я никогда не думала об этом с этой стороны.

О стрижке, которая один в один похожа на мою, годичной давности, до того как я перестала тратиться на парикмахера.

О патологической любви к толстовкам и джинсам, которые я редко выгуливала на работе, но так часто надевала именно на выходные в клубе.

Это просто глупость – обвинять человека в чем-то, на основе такой ерунды...

– А что дальше было? – голос вздрагивает, будто бы выдавая волнительный спазм, которым сейчас свело мои внутренности.

– Дальше? – Дима нервно щелкает застежкой от часов. – Знаешь, до этого она крутилась исключительно возле меня. Писала мне. Звонила мне. Преследовала меня. Не осмеливалась подойти к тебе, уж не знаю по каким причинам. А тогда... Мне сказали – её переклинило. На тебе переклинило, Гель. Она решила, что это ты мешаешь мне обрести “истинное счастье”. И всерьез начала обдумывать, как именно тебе навредить. Облить кислотой. Или заплатить кому-то, чтоб тебя подкараулили и...

– Я поняла, – голос срывается до хрипа. История, начинавшаяся как глупая, забавная байка приобретает насыщенность настоящего бытового триллера, – но со мной ничего не случилось, она не смогла?

– Она не стала, – тихо выдыхает Дима, – я тебя бросил. Струсил и бросил. Трепал про тебя всякую дичь, лишь бы эта психопатка прониклась тем, насколько ты меня заколебала, и никак тебе не навредила.

– Ты оставил меня ради этого?

– Я не мог быть с тобой целыми днями. Хотя я и пытался быть с тобой везде тогда...

– Да, я помню.

Помню, каким странно контрастным был Димин уход после того, как он даже в магазин за хлебом тащился вместе со мной. За хлебом. На работу. С работы. Даже на обед вызванивал, узнавал, где я обедаю, с кем, точно ли не одна, не нужно ли составить компанию...

Я думала – это попытка смягчить нарастающее между нами отчуждение, а это была... попытка защиты.

И разрыв был ею.

Как бы слащаво это ни звучало.

– Знаю, бредово звучит, – Дима не поднимает понурой головы, – я полгода ходил по вечерам к твоему дому и смотрел на твои окна. Горит ли свет. Жива ли ты. Не добралась ли до тебя эта, с её планами.

– Мог предупредить.

Упущенные возможности звучат так очевидно. Хотя я знаю, что в стрессовой ситуации они могут абсолютно не прийти в голову.

– Ты была разбита, Гель. Слишком. Я не хотел еще и пугать тебя. Я... Тупил тогда очень сильно.

– Зато сейчас пугать меня очень кстати, да, – прикрываю глаза, слушая тишину внутри.

– Я не знал, – Дима косится на мой живот, – но с учетом этого, ситуация мне кажется совсем паршивой. Ты в больнице. Она работает в том же месте, что и ты. Это совпадение? Я, может, сам свихнулся, но я в это не верю.

Она ни при чем.

Так хочется сказать первым порывом.

Ну при чем тут она, если это я – я себя накрутила.

Я?

Причину моего нервного срыва можно разделить на две части. Одну – основную. Вторую – малую, вытекающую из основной.

А основная...

Кто как не сотрудник Артемиса мог знать о паршивости камер наблюдения в конюшнях?

У кого это в тот же день совершенно случайно проявилась немислимая блажь – подружиться именно с Люциусом? С капризным, выпендренным конем, когда для свадебных фотосессий в клубе были и другие белые лошади.

Господи, господи, господи...

Мне хочется закусить удила. Кажется, я сама лечу во весь опор, ничего и никого не разбирая на своем пути.

Нет. Нет-нет-нет.

Я сейчас наступлю на те же грабли, что и с Викой. Ей я тоже каких только недостатков не приписывала...

Но...

Сейчас ведь поводов гораздо больше, так ведь?

А еще – я могу вслух все прояснить, и Берг сразу мне скажет, что я промахнулась.

– Ты ведь так и не сказал её имени, Дима, – вижу, как вздрагивает его спина, вижу, как он ошеломленно округляет глаза, осознавая это.

– Черт, прости, это вышло как-то случайно. Столько нервов эта стервь мне вытянула.. Это ваша...

– Погоди, – лихорадочный азарт заставляет меня его перебить, – я хочу сама угадать. Позволишь?

9. Ник

– Скажите мне честно, ребят, вы жить хотите?

Два охранника, стоящие передо мной, торопливо кивают головами. Болванчики. Вот и головы болтаются беспомощно. И глаза – как у зайцев, загнанных в угол.

Все понимают, кретины, и как называется их раздолбайство – тоже понимают.

– Так разъясните мне, пожалуйста, – не повышаю голоса, – у вас в логе – ночное отключение сигнализации в медпункте раньше положенного начала рабочего дня. И почему я не вижу ни одного прозвона ответственному лицу в распечатке исходящих?

Ответ прост – сидящие в коптерке “мальчики” резались в преферанс и не хотели отвлекаться. От двери заметил отлетевших к тумбочке двух королей, которых смели со стола вместе с остальной колодой и не заметили, когда прятали карты с глаз долой. Сейчас заметили, и Вася Дементьев бочком-бочком пытается незаметно сместиться влево и закрыть для меня обзор. Думает, я изначально не заметил. Ну, да, прям.

Интересно, что за карты отлетели?

А то я по ним будущее бы предсказал с огромным удовольствием.

Хорошо если долгая дорога пронесет этих двоих раздолбаев мимо казенного дома.

Они должны были! Просто обязаны были уведомить о ночном отключении сигнализации и меня, и осведомиться о причинах внепланового визита у лица, чьим кодом был снят блок.

Я сегодня должен был получить докладную на Шуру. Не говоря уже о том, что ночное отключение – повод и для дисциплинарки, и для более строгих мер. Что может понадобиться сотруднику, находящемуся на контракте, не предусматривающем сверхурочных, посреди ночи на территории закрытого клуба?

– Так бывает же, что само отключается, – бубнит Ваня, второй охранник.

– Само? – господи, как же хочется убивать. – Сигнализация умеет отключаться сама?

– Ильгиз иногда отключает сигнализацию в тренерской. Когда его очередная баба из дома выгоняет. Мы подумали... Может, и тут что-то такое. Ведь если что-то пропадет – вот он, личный код, знаем кого брать за жабры, а так, чего дергать...

Убить обоих. Расстрелять у белой стенки на въезде в клуб. Ильгиза – выторопь при всем честном народе. Чтобы больше никто даже не смел повторять этот фортель.

Мечты-мечты.

– Вот ты, – устало киваю Ване, – садись и сочинишь объяснительную. В которой убедительно рассказываешь, по какой причине вы, два гения, не сподобились среагировать ни на ночное отключение сигнализации, ни на выход из строя камеры. Убедительно у тебя не получится, сразу рекомендую отключить фантазию и излагать честно. Если повезет – хозяин клуба вас не посадит. Но чашки-плошки свои можете паковать в коробочки. Ваши путевки в службу занятости вам занесут после обеда.

– А я? – встревоженно вскидывается Вася. – Мне не надо объяснительную?

– Надо, – обламываю без особой жалости, но ты пойдешь со мной смотреть, что там с камерой случилось. У нас в лучшем случае минут двадцать осталось до приезда наркоконтроля. После они медпункт к чертовой матери опечатают, и разобраться уже не получится. А я хочу иметь свою картинку в голове.

На самом деле охранник мне не особо и нужен. Разве что... Постоять на стреме.

Я точно знаю, что Юля все еще обедает с Ариной, и хотел бы зайти в медпункт, пока её там нет. Конфликт вроде как сглажен, но натянутость никуда не делать. Да и безмерно бесит меня сама необходимость оправдываться за то, что я обеспокоился состоянием беременной невесты.

Да и не до оправданий сейчас.

Я не понимаю.

Отключение было именно ночным.

Не утренним!

И вообще, строго говоря, оно было аж вчерашним.

Вчера ночью Александра отключила в медпункте сигнализацию, провела там ночь, а утром решила воспользоваться украдкой разведанным кодом от сейфа с вожделенной дозой?

С одной стороны – версия вроде как складная.

Но зачем было ждать до утра?

Две короткие фразы от реаниматолога, приехавшего в скорой, говорили о том, что Шура чудовищно повезло. Если бы Юля опоздала с помощью хоть на десять минут – скорая, вероятнее всего, повезла бы юную наркоманку прямо в морг. Морфий был вколот именно ранним утром. Но по логам – Шура всю ночь провела в медпункте.

Версия охранников правдива?

Что я слышал об Александре вчера от Юлы?

Завалила сессию? Мать этому не обрадовалась?

Могла ли Шура сбежать из дома и по примеру чертова Ильгиза решить перебиться в медпункте? И не далеко ли ей ехать? Ильгиз хотя бы живет в поселке, в десяти километрах от клуба. Он за час, даже пьяный, своими ногами дойдет.

Ночевала в медпункте без задней мысли, а утром – сломалась?

– Стой тут, – коротко приказываю Василию, останавливая его на нижней ступеньке медпункта, – если хоть кто-то придет. Кто угодно. Даже если Юлия – дашь мне знать. Ясно?

– А как? – охранник сразу нацепляет на физиономию заговорщицкое выражение. – Каким-нибудь особым стуком?

– Просто войдешь и скажешь, что идут.

– А вы будете обыск делать, Николай Андреевич? – таинственность с лица Василия не желает уходить.

– Я буду смотреть. Обыск сделает полиция.

Нет, определенно от потери этих двоих идиотов клубу только лучше будет. И да, зря мы решили сэкономить на охране. Надо было брать главой службы безопасности того бывшего спецназовца, знакомого Лекса. Его бы и Энджи наверняка одобрила. Другое дело, что Артему не очень понравилась та зарплата, которую запросил Васильцев. Но может быть, удастся смотивировать Тимирязева на эту трату сейчас?

Ощущаю себя смертельно усталым. А ведь все самые смачные трудности еще впереди.

Дверь медпункта открываю взятым заранее запасным ключом. Код от сигнализации у меня тоже есть, универсальный. Есть все-таки бонусы у положения директора этого клуба, кроме выданной мне лопаты для раскидывания огромной кучи дерьма.

Захожу. Оглядываюсь. Нахожу взглядом камеру которая стоит всего в полуметре от входа. Дешевая, не панорамная, без датчиков движения. Увы!

Занятно.

Мой взгляд цепляется за черное круглое пятно. Слишком черное и заметное даже на черном корпусе камеры. Чтобы рассмотреть поближе – встаю на первый попавшийся стул. Стоящий у двери. Обычно на нем паркуются, чтобы надеть бахилы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.